

Не трогай кошку

Мэри Стюарт

Королева романтического детектива.
Общий тираж книг —
более 20 миллионов экземпляров

Мэри Стюарт

Не трогай кошку

1976

Стюарт М.

Не трогай кошку / М. Стюарт — 1976

У Бриони есть тайный возлюбленный. Она знает его всю жизнь и часто разговаривает с ним – мысленно, потому что принадлежит к семье, члены которой владеют способностью обмениваться мыслями на расстоянии. Ей кажется, что этот человек – один из трех ее троюродных братьев, но точно она не знает, так как он никогда не называл себя, а только обещал, что рано или поздно объявится. После смерти отца Бриони возвращается в семейное поместье Эшли-корт и узнает, что в последние минуты жизни отец пытался предупредить ее о какой-то опасности. Выясняя, что кроется за его загадочными словами: «Бумага, она в ручье Уильяма... Кошка, там кошка на полу. Карта. Письмо...» – девушка начинает понимать, что ее судьба каким-то образом связана с событиями, происходившими в поместье без малого полтора столетия назад. Мэри Стюарт – одна из самых знаменитых писательниц в мире. Ее книги расходятся миллионными тиражами. В романах М. Стюарт изумительным образом сочетаются интеллектуальный детектив и романтическая история.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мэри Стюарт

Не трогай кошку

Посвящается моему дяде Джорджу Рейнбоу

*Покой обрести дано
Тем, кто, слова связав искусно,
Украсит жизнь, где все так грустно,
Уныло и темно,
Уолтер де Ла Мар. Загадки*

ГЛАВА 1

*Любимая опять меня зовет.
У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт II, сцена 2¹*

Мой возлюбленный пришел ко мне в последнюю ночь апреля. Предчувствие и зов привели меня домой, к нему.

Звучит странно, но именно так все и было. И если я попытаюсь это объяснить, мой рассказ, несомненно, покажется еще более удивительным. Но все опишу по порядку.

Я работала в Фуншале, на острове Мадейра. Фуншал – главный город этого прелестного острова в Атлантике, и, несмотря на то что это порт, в который еще века с четырнадцатого заходил чуть ли не каждый пересекавший океан корабль, городок и по сию пору остается маленьким и очаровательным. Улицы, извивающиеся по крутым склонам вулканической горы, что образует хребет острова, зелены и полны цветов, а тротуары покрыты поблескивающей на солнце мозаикой. Я служила в одном из отелей на восточной окраине. В мои обязанности входило встречать гостей и знакомить их с городом. На первый взгляд работа может показаться нетрудной, но это не так. Во время наплыва туристов – а на Мадейре они бывают почти круглый год – приходится поистине тяжело. Привело меня к такому занятию объявление, вызывающее как раз к моим немногочисленным достоинствам: «Требуется молодая женщина с приятной внешностью, согласная на длинный рабочий день». Я обладала обоими качествами: внешностью (это, пожалуй, единственное, чем наградила меня природа) и готовностью работать сколько угодно, лишь бы что-то заработать. Не знаю, кто оказался лучшей претенденткой, но выяснилось, что хозяева отеля – бывшие однокашники моего отца, и потому они наняли меня, что называется, по знакомству. А тут уж дело случая, повезет или нет. Ты получаешь, возможно, не самого лучшего работника, зато это человек твоего круга, который говорит на твоём языке. Ну а если он тебя подведет, ему же хуже.

Еще не прошло и года, но я думаю об отце так, будто он давно умер и стал частью прошлого. Да, теперь он часть прошлого, но в ту теплую апрельскую ночь на Мадейре, когда мой возлюбленный позвал меня, папа был жив, это точно.

Я не ночевала в отеле. У его владельцев, папиных знакомых, была еще и вилла – загородное поместье в нескольких километрах от Фуншала, где пинии с заросших горных склонов спускаются к самому морю. Вы можете добраться туда, свернув с шоссе Машико на маленькую дорожку, выходящую серой лентой по горам. Она выложена базальтовой плиткой, и летом ее окаймляют белые до голубизны африканские лилии.

¹ Здесь и далее перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Они горделиво торчат из зеленой травы, а их стебли колеблются в волнах прохлады от бегущего вдоль дороги ручья.

Большой красивый дом, типичный образчик португальского стиля, стоял на широкой террасе, которая буйно заросла самыми разнообразными цветами, экзотическими кустами и цветущими деревьями, красующимися на холодноватом фоне горных сосен. Хозяева жили здесь всю зиму, но в начале апреля, как правило, возвращались в Англию, в свой дом в Херефордшире, а Херефордшир отделяют от наших мест лишь Малвернские холмы. Теперь хозяева находились в Англии, и вилла оставалась запертой, с закрытыми ставнями, но я жила в так называемом садовом домике.

Это было скромное одноэтажное строение у входа в сад. Стены домика, как и стены большого дома, снаружи были выкрашены розовым, а внутри казалось пусто и голо – высокобленный пол, серые стены; в больших, восхитительно тихих, прохладных комнатах гуляло эхо. Комнаты весь день оставались затененными, и в них пахло нагретыми солнцем соснами и цветущими лимонами. Окно моей спальни выходило на заросшую камелиями аллею, уходящую вниз к живописным прудам, где всю ночь квакали и бултыхались лягушки.

К концу апреля камелии отцветают, и трудолюбивые португальские садовники почти сразу же убирают их, но уже в цвету багряник, и глицинии тоже. Облака цветения плывут сквозь все сезоны, и кажется, растения цветут здесь круглый год. И еще там цвели розы – не так, как у нас дома, где им нужна передышка на зиму. Местный климат вынуждает розы цвести постоянно, и они вырастают бледными, с вялыми лепестками на хилом, немоющем стебле. Розы вились по стене садового домика, лунный свет превращал их в белые шары с растрепанными лепестками, они наполовину заслоняли окно моей спальни. Свежий бриз, время от времени пригонявший дождевые тучи, шевелил цветы и колыхал их лепестки снова и снова, однообразно и в то же время каждый раз по-новому сплетая лунные тени на стене и потолке.

Когда он пришел, я еще не спала. Он так давно не давал о себе знать, что я не сразу поняла, кто это. Тихо и трогательно прозвучало мое имя, затихая в пустой комнате под колыхание смутных теней:

– *Бриони. Бриони. Бриони Эили.*

– *Да?*

Я обнаружила, что говорю вслух, как будто требовались какие-то слова. Потом я опомнилась и сообразила, кто со мной говорит. Я повернулась на спину и посмотрела вверх, на высокий потолок, где, на мгновение замерев, повисли призрачные, нематериальные тени. Такие же нематериальные, как и мой возлюбленный, наполнивший ночную комнату своим присутствием, а мое сознание – своим голосом:

– *Бриони. Наконец-то. Слушай... Ты слушаешь?*

Конечно, это было не совсем реально. Как это получилось, трудно описать, если вообще возможно. Он приходил не в словах и не в видениях, а – не могу придумать более подходящего названия – во внезапных сгустках мысленных образов, которые как бы извне входили в сознание, врезались и замыкались там. Так наборщик расставляет по местам строчки, и вот перед тобой страница, которую можно прочесть. Через эти образы внезапно проступает вся страница – наверное, это что-то вроде чтения абзацами, хотя сама я так читать не пробовала. Говорят, это приходит с практикой. Что ж, у меня и у него для практики впереди была целая жизнь. Я знала его все свои двадцать два года, а он (и это почти все, что я знала о нем) был ненамного старше.

Наверное, в детстве мы тоже запинаясь и путались, как и все нормальные дети, когда они учатся читать, но я не помню времени, когда бы мы не умели читать мысли друг друга, общаться душа с душой. Это было для меня все равно что рассказывать о своих мечтах или (как бывает среди детей) завести воображаемого товарища, который был более реален, чем живущие рядом троюродные братья или даже школьные друзья. Но в отличие от большинства

детей я никогда никому не говорила о нем. Не думаю, что из страха показаться смешной или из опасения, что мне не поверят. Я считала это общение само собой разумеющимся, но в голове у меня словно сидел какой-то цензор, не позволявший мне делиться своей тайной жизнью ни с кем, даже с родителями. И тот же цензор, наверное, работал в нем. Ни разу мой собеседник даже не намекнул мне, кто он такой, хотя по нашим общим воспоминаниям я поняла, что это, должно быть, кто-то из близких, и я могла держать пари, что это один из моих троюродных братьев Эшли, с которыми мы детьми каждый день играли в Эшли-корте и позже проводили почти каждый праздник. Бывает, какой-то дар передается по наследству; о нашем семейном даре существовали записи, начиная с упоминания Элизабет Эшли, которую публично сожгли у столба в 1623 году, появлялись сведения, разумеется тайные, о странных «видениях» и передаче мыслей на расстоянии между членами нашей семьи. По тому же признаку мой возлюбленный узнал меня, поскольку среди Эшли я была единственной девушкой.

В последний год он обращался ко мне просто «Бриони». И снова я использую имя лишь для удобства, чтобы можно было сказать, к кому он обращается. В ответ я звала его просто «Эшли», пытаясь заставить раскрыть себя. Он не называл своего имени, однако принял мое обращение так же, как раньше принимал обращение «мальчик» и иногда неосторожное «любимый», – с той же нежной насмешливостью, с какой парировал все мои последующие попытки заставить его выдать себя. Все, чего я смогла от него добиться, – это заверений, что в свое время мы откроемся друг другу, но до тех пор нужно ограничиться лишь общением в мыслях.

Понимаю, мне не удалось ничего объяснить. Впрочем, о том, что мне известно всю жизнь, мало кто вообще имеет какое-либо представление, я убедилась в этом. Когда я немножко подросла и поняла, что мой дар – это нечто уникальное и таинственное, то попыталась прочесть что-нибудь об этом. Но все найденное под заголовками «Телепатия» и «Передача мыслей на расстоянии», похоже, не имело ничего общего с той тонкой тайной связью между нами. В конце концов я бросила попытки проанализировать свой опыт и снова стала, как в детстве, принимать это, не стараясь понять. Хотя из книг я узнала, что такой дар может создать его обладателю неудобства, меня он никогда не беспокоил. Более того, я не могла себе представить жизни без этого дара. Я даже не знаю, когда мой друг стал моим возлюбленным, когда произошли эти изменения в мысленных образах – такие же очевидные, как изменения в теле. И пусть это покажется абсурдным – желать любви и любить того, кого не знаешь во плоти. Но я думаю, само тело диктует желания сознанию. И наше сознание переводило наши желания в живые и захватывающие образы, которыми мы обменивались и принимали без вопросов, а поскольку не требовалось ответов вслух, то и без стеснения.

Наверное, если бы мы встретились лицом к лицу и узнали друг друга, проще бы не стало, да я пока и не видела подобной возможности. Нельзя же вот так, ни с того ни с сего, взять и спросить троюродного брата: «Это ты тот Эшли, который тайно разговаривает со мной?»

Однажды я попробовала. Я спросила Френсиса, младшего из троих, не снится ли ему иногда кто-нибудь так живо, что сон путается с явью. Но он покачал головой явно без всякого интереса и сменил тему. Тогда, призвав все свое мужество, я задала тот же вопрос близнецам, которые были старше меня на четыре года. Когда я спросила Джеймса, младшего из них, он ответил «нет», но, наверное, рассказал об этом своему брату-близнецу Эмори, потому что тот, в свою очередь, стал меня прощупывать. Он засыпал меня вопросами, проявив явный интерес, но не тот, которого я ожидала, – так заинтересовались психиатры, когда Роб Гренджер, сын управляющего фермой, сказал, что видел призрак священника, прошедший сквозь стены церкви в Эшли. Все тогда подумали, что ему, наверное, явился кардинал Уолси² в молодости,

² Уолси (Вулси) Томас (ок. 1473-1530) – кардинал, канцлер английского королевства при Генрихе VIII. Был обвинен в государственной измене, но умер до суда.

но оказалось, что это викарий в ночной рубашке спустился за очками, которые оставил в ризнице.

Мой возлюбленный говорит – и он повторил это не далее как вчера, – будто я так привыкла к общению мыслями, что уже плохо выражаюсь словами. Он говорит, что я не выделяю главного, а если выделяю, то не могу его придерживаться. И все же придется попытаться, если я хочу написать о тех странных событиях в Эшли-корте, которые произошли год назад. Я должна написать об этом по причинам, которые станут понятны потом, и, наверное, следует начать с рассказа о нашей семье.

То, что я уже написала, смахивает на какую-то сомнительную старую мелодраму, и в этом есть доля истины, так как наша семья стара, как Ной, и, пожалуй, так же прогнила, как его ковчег. Неплохое сравнение, поскольку Эшли-корт, наш дом, – это обнесенное рвом поместье, которое строилось постепенно чередой владельцев, начиная с саксов, из которых никто не прошел курса по дренажным системам. Но поместье очень красивое и, если не считать затрат, приносит более двух тысяч в год от туристов, которые платят по двадцать пять пенсов за осмотр, да благословит их Бог.

Наша семья уходит корнями в прошлое еще дальше, чем дом. Когда-то жил один Эшли – предание гласит, что его звали Элмерик Копьеносец, а на языке англосаксов это звучит как «Эшер», – и когда в десятом веке датчане поднялись по Северну, он бежал от них и поселился с семейством в дремучих лесах у подножия Малвернских холмов. Там и до этого были поселенцы; говорят, что когда бритты еще раньше бежали от саксов, они поселились у излучины реки, куда удавалось пробиться солнцу, на развалинах римского дома, и обитали там как призраки. От того раннего поселения не осталось и следа, если не считать нескольких гончарных печей в полумиле от дома. Саксы вырыли ров, отвели в него реку и благополучно отсиживались за ним до самого норманнского завоевания. Сакс Эшли погиб в бою, а вторгшийся норманн взял себе его вдову и земли, построил на острове каменную башню и подъемный мост, принял имя Эшли и начал плодить детей, которые все (наверное, к его негодованию) вырастали белокуроыми, бледными и высокими – до мозга костей саксами. Все Эшли обладали талантом сохранять то, что хотели сохранить, мгновенно и без особых усилий приспособливаясь к победившей стороне. Викарий из Брея³, наверное, имел к ним непосредственное отношение.

Вплоть до правления Генриха VIII мы были истинными католиками, а потом, когда Великая блудница взяла его к себе, построили тайник для преследуемых католических священников и временно выжидали, пока не определили, какая сторона хлеба намазана маслом.

Потом, при Елизавете, мы оказались уже стойкими протестантами, замуровали тайник и наизусть твердили Тридцать девять статей англиканской веры, возможно даже вслух.

При Кровавой Мэри никто из нас не колебался, но таковы Эшли. Приспособленцы. Мы всегда умели вывернуть плащ наизнанку. При каждой перемене ветра мы легко гнулись – и сохранили за собой Эшли.

Даже в семидесятых годах этого века, когда выворачивать было больше нечего и все ополчилось против нас, мы оставались в своем поместье. Разница была лишь в том, что теперь мы жили не в самом замке, а в коттедже.

Сейчас уже ничего не осталось от некогда прекрасного регулярного парка, и я помню его только заброшенным, очаровательно запущенным, как на декорациях к «Спящей красавице». Прелестный, постепенно разваливающийся старый дом на окруженном рвом острове – вот и все, что осталось от владений, которые когда-то занимали половину графства. К тому времени, как мой отец унаследовал имение, оно состояло из собственно парка, строений, некогда бывших процветающим поместьем, да церковного двора. Думаю, сама церковь тоже офи-

³ Приходской священник из Беркшира, который в XVII веке четыре раза менял религию, переходя из католиков в протестанты и обратно, вследствие чего стал символом приспособленца и ренегата.

циально принадлежит нам, но Джонатан Эшли – мой отец – не настаивал на этом. Церковь стоит посреди зеленого кладбища, совсем рядом с нашими подъемными воротами, и когда я была девочкой, то верила, что колокольный звон доносится прямо с верхушек наших лимонных деревьев. До сих пор запах цветущих лимонов вызывает у меня в памяти звон церковных колоколов и вид грачей, поднимающихся в небо точно пепел, взметенный ветром от костра.

Вот и все, что осталось от владений, основанных рыцарем Эшли. Кстати, он был, наверное, единственным рыцарем во всей Англии, который не переплавил свое фамильное серебро в помощь Карлу I. Он и не подумал сделать это. Подозреваю, единственная причина, почему его семейство не перешло на сторону круглоголовых, – это их наряды и стрижка. Как бы то ни было, тем самым Эшли-корт дважды спас семью Эшли, поскольку в 1950 году отец отослал большую часть серебра на аукцион Кристи, и на вырученные деньги мы жили, кое-как поддерживая в поместье порядок, пока мне не исполнилось семь или восемь. Потом мы переехали в одно крыло, а остальную часть открыли для публики.

Несколько лет спустя, когда умерла моя мать, мы с папой совсем съехали и поселились в коттедже садовника – маленьком прелестном домике на краю яблоневого сада с крохотным клочком земли, выходящим на озеро, в которое отводили воду из крепостного рва. Наше крыло замка мы передали в руки стряпчего, чтобы он сдал его, если сможет. И нам повезло: последним нашим съемщиком оказался американский бизнесмен, который к описываемому моменту жил там со своим семейством уже полгода.

Сами мы не встречались с Андерхиллами, поскольку за восемь месяцев до той апрельской ночи, с которой я начала свой рассказ, мой отец, страдавший ревматизмом, подхватил тяжелый бронхит; и после выздоровления врач посоветовал ему на время уехать в более сухой климат. В то время я работала в антикварной лавке в Эшбери. Мы продали еще немного серебра, заперли коттедж и отправились в Бад-Тёльц, маленький баварский городок с минеральными водами, в приятной близости от реки Изар. В молодости отец часто гостил там у друзей, одним из которых был Вальтер Готхард. Теперь он превратил свой дом в санаторий и получил прозвище «Курортный доктор». Папа приходил туда просто отдохнуть и полечиться у герра Готхарда, который по старой дружбе брал с него недорого.

Я провела в Бад-Тёльце месяц. На тамошнем воздухе папа поправился так быстро, что для беспокойства не оставалось места, и, когда мне предложили работу на Мадейре, я не заставила долго себя уговаривать. Даже мой возлюбленный, когда я спросила его, сказал, что дома нет ничего такого, ради чего стоило бы возвращаться. Мне не совсем понравилось такое ободрение, но и правда, никого из моих троюродных братьев в Эшли не осталось, а зима в коттедже и сырость ранней весны представлялись унылыми и не очень заманчивыми, так что я согласилась на предложенное место и уехала, радуясь солнцу и цветам Фуншала, совершенно не подозревая, что уже никогда больше не увижу отца.

– Бриони?

– Да, я не сплю. Что случилось?

Но беда была уже здесь, в комнате. Она наваливалась на меня, бесформенная, как туман, бесцветная – ни темная, ни светлая, – без запаха, без звука, как парализующий спазм боли и смертельный страх. Меня прошиб горячий пот, ногти царапали простыню. Я села.

– Кажется, я поняла. Это папа... Наверное, ему снова плохо.

– Да, что-то случилось. Я не могу сказать больше, но тебе надо уезжать.

Я не стала спрашивать, откуда он знает. Все вытеснило ощущение горя и тревоги, и это чувство повлекло за собой действия: телефон, аэродром, тягостная, медленная поездка... Тогда у меня лишь мелькнула мысль: не было ли у моего отца дара Эшли? Ни разу ни единым намеком он не дал мне повода заподозрить этого, впрочем, и я никогда не рассказывала ему про себя. «Прочитал» ли мой возлюбленный его сознание или даже входил с ним в контакт? Но во мраке отпечаталось отрицание. И с этим отрицанием закончилась неопределенность, голо-

воломка излишних сомнений, пронизывавших темноту, как нить другого цвета, вплетенная в ткань.

Неважно, как и от кого он узнал о беде. Это дошло до него, а теперь и до меня.

– *Ты можешь прочесть меня, Бриони? Ты очень далеко.*

– *Да, я могу. Я поеду... Прямо сейчас, завтра... или сегодня? Рейс в восемь. Меня, конечно, возьмут...* – Потом, с тревогой, всеми силами посылая мысль, я позвала: – *Любимый! Затухая:*

– *Что, Бриони?*

– *Ты будешь там?*

И снова отпечаток отрицания в темноте. Отрицание, сожаление, постепенный уход...

– Господи, – беззвучно проговорила я. – Когда же?

И тогда сквозь тьму проникло еще что-то. С силой раздвинув в стороны тучи смерти, пришли утешение и любовь, старомодные, как конфетти, сладостные, нормальные, давно и хорошо знакомые чувства. Словно тени роз с потолка пролили на комнату свой аромат. А потом не осталось ничего, кроме теней. Я была одна.

Я сбросила простыню и, завернувшись в халат, подбежала к телефону. Как только я коснулась трубки, он зазвонил.

ЭШЛИ, 1835 ГОД

Он стоял у окна, всматриваясь в темноту. Придет ли она этой ночью? Если слышала новость, то, возможно, решит, что он не может ждать ее здесь. И с точки зрения приличий ему, конечно же, не следовало приходить...

Он нахмурился, закусив губу. Да, еще один небольшой скандал – ну и что? Так было в последний раз – и в самый последний раз будет примерно так же. Завтра наступит для всего мира – сердитые голоса, смех, холодный ветер. А сегодняшняя ночь еще для них двоих.

Он бросил взгляд в сторону поместья. Над живой изгородью сплошной темной глыбой виднелись верхние этажи. Ни огонька. Нигде ни огонька. Взгляд задержался на южном крыле, где за темным окном лежал старик.

И словно дрожь пробежала по всему телу. Схватившись за шейный платок, он заметил, что руки трясутся. Она должна прийти. Боже, ей необходимо прийти! Он не вынесет ночь без нее. Его охватило страстное желание. Он почти физически чувствовал, как его призыв, вырвавшись наружу, влечет ее к нему.

ГЛАВА 2

Всех найди, кто здесь записан.
У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт I, сцена 2

С Мадейры в Мадрид, из Мадрида в Мюнхен, из Мюнхена – на экспрессе в Бад-Тёльц, что в долине Изара. Прошло двадцать семь часов после звонка Вальтера Готхарда, и такси скользнуло в ворота санатория. Сам герр Готхард спустился по ступеням мне навстречу.

Двадцать семь часов – это слишком долгий срок, чтобы смог продержаться человек в возрасте под шестьдесят, со слабым сердцем, если его сбил на дороге автомобиль, а после этого ему пришлось пролежать на месте происшествия еще около четырех часов, пока его не обнаружили.

Джон Эшли не сумел продержаться двадцать семь часов. Когда я прибыла в Бад-Тёльц, он был уже мертв. Отец довольно долго оставался в сознании и разговаривал с Вальтером, а потом уснул и во сне умер.

Конечно я знала. Это случилось, когда я летела на самолете из Фуншала в Мадрид. А потом все было кончено, и я вычеркнула это из сознания и устала на облака, не видя их, в ожидании, со странным чувством онемения и расслабления, пока «Каравелла» бессмысленно и бесполезно приближала меня к его мертвому телу. И еще я ожидала, что появится мой возлюбленный и утешит меня. Но он не появился.

Вальтер и его жена были бесконечно добры. Они сделали все, что полагалось, приготовили все для кремации и позвонили нашему семейному адвокату в Вустер. Мистер Эмерсон, который занимался делами Эшли, должен был уже связаться с моим дядей Говардом, отцом близнецов и Френсиса. И конечно, Вальтер и Эльза Готхарды много часов за закрытыми дверями разговаривали с полицией.

Полиция задавала много вопросов, и большинство из них все еще оставались без ответа. Несчастный случай произошел на дороге из города сразу с наступлением сумерек. Этим же путем меня привезло такси. Ваккерсбергер-штрассе поднимается от сравнительно новых кварталов за реку через мост. У последнего дома шоссе вдруг превращается в проселочную дорогу, начинает петлять, становится узким и местами довольно крутым, извиваясь сквозь горную поросль. По словам Вальтера Готхарда, отец настолько окреп, что поговаривал о возвращении домой к лету. Отец спустился в город, чтобы кое-что купить, в том числе подарок Вальтеру – бутылку его любимого бренди, – и, очевидно, возвращался назад. Без сомнения, его подхватил автобус. Но когда автобус взобрался наверх, отца не оказалось. Судя по всему, мчащуюся мимо легковую машину на повороте занесло на обочину, и сильным скользящим ударом она отбросила вышедшего из автобуса отца с дороги, вниз по откосу к краю леса. Он ударился головой о дерево и потерял сознание, скрытый от дороги кустами. Машина скрылась, оставив его лежать в сумерках, и лишь через четыре часа его обнаружил мотоциклист, который наехал передним колесом на осколок бутылки от бренди. Откатив покалеченный мотоцикл, чтобы прислонить его к дереву, парень увидел в кустах моего отца. Сначала он принял его за пьяного – от одежды отца все еще разило бренди. Но у пьяного или нет, рана на голове почернела и покрылась коркой от застывшей крови, и мотоциклист завилал по дороге на спущенном колесе, пока его не догнала машина и он не остановил ее.

Это была машина Вальтера Готхарда. Все больше беспокоясь, поскольку уже два автобуса приехали и уехали, а его друга все не было, герр Готхард стал звонить в разные места, где надеялся его найти, и собрался сам поехать за ним в город. В конце концов, так нигде и не найдя его, Вальтер отправился на поиски. Он привез отца, который оставался без сознания, прямо в санаторий и позвонил в полицию. Обследовав место происшествия, полицейские подтвердили

догадку доктора о том, как это могло случиться. Но четыре часа есть четыре часа, и виновного водителя обнаружить не удалось.

Герр Готхард рассказал мне об этом, сидя в своей приемной, где в раме окна живописно простиралось полотно пастбищ, ровных, как приглаженный бархат. Это место казалось выбранным среди густых лесов, нависавших сверху подобно соломенной крыше. Голубые гиацинты в вазе на столе наполняли комнату ароматом. Рядом кучкой лежали предметы, найденные в папиных карманах: ключи, записная книжка с тисненными золотом инициалами Дж. Э. (это я когда-то подарила ему), серебряная шариковая ручка с теми же инициалами, перочинный нож, щипчики для ногтей, чистый, аккуратно сложенный носовой платок, письмо, что я написала ему неделю назад. Я перевела глаза на герра Готхарда, он спокойно сидел, глядя на меня через бифокальные очки в золотой оправе. Это был уже не папин друг, на плече которого я могла поплакать в случае нужды, теперь это был просто врач, не раз видевший и слышавший подобное раньше, и сама комната видела столько боли, столько волнений и мужества, что уже ничто не задерживалось в ней. Я тихо сидела, а он рассказывал:

– К утру он очнулся и немного поговорил, очень немного. И не о происшествии. Насколько посмели, мы поспрашивали его, но он как будто ничего не помнил. Его занимало другое.

– Другое?

– В основном вы. Боюсь, я не совсем его понял. Он говорил: «Бриони, скажите Бриони». Он повторил это раз или два, но казалось, не смог выразить словами, что же хотел сказать. Сначала я подумал, он тревожится, что вам не сообщили о несчастном случае, и успокоил его, сказав, что звонил вам, и вы уже едете. Но он все беспокоился. Мы уловили некоторые обрывки, не более того, и никто из нас толком ничего не разобрал, но под конец ему удалось выговорить: «Бриони, моя маленькая Бриони, она в опасности». Я спросил, что это за опасность, но он не смог ответить. Он умер около десяти часов утра.

Я кивнула. Между Фуншалом и Мадридом – я знала точное время. Вальтер продолжал говорить, профессионально ровно и спокойно; думаю, он рассказывал, как папа жил в Ваккерсберге, что они здесь делали, о чем разговаривали. Я ничего не запомнила из его слов, но до сих пор помню каждый лепесток тех голубых гиацинтов в вазе на столе между нами. – И все?

– Все? – Герр Готхард прервался на полуслове и без колебаний сменил тему: – Вы спрашиваете, все ли это, что сказал Джон?

– Да. Извините. Я действительно не поняла...

– Пожалуйста. – Он поднял руку, белую и гладкую, с торчащими волосками. – Я и не думал, что вы поймете. Вы спрашиваете, что еще Джон сказал перед смертью? Вот здесь у меня...

Он засунул руку в ящик стола и вынул какую-то бумагу.

Не знаю, почему я так удивилась. Я уставилась на лист, не двигаясь, не делая попытки взять его.

– Вы что, записали?

– Полиция оставила человека, чтобы он сидел у постели, – мягко проговорил Вальтер, – на случай, если вашему отцу удастся рассказать что-нибудь о происшествии, что поможет найти виновника. Знаете, так всегда делают.

– Да, конечно. Я знала это. Мне кажется, человек никогда не думает о себе в таких обстоятельствах.

– Полицейский очень хорошо знал английский и записывал все, что Джон говорил, даже когда это казалось бессмыслицей. Вы читаете стенограммы?

– Да.

– Здесь все, каждое слово, что удалось разобрать. Большую часть времени я находился рядом. В то утро был еще один срочный вызов, и мне пришлось ненадолго покинуть Джона,

но как только он более-менее пришел в сознание, меня позвали, и я оставался рядом до самого конца. Вот все, что я могу сказать. Извините, – вряд ли это что-то прояснит, но как знать – может быть, вы поймете лучше нас.

Он протянул мне листок. Страницу испещряли беспорядочные закорючки, было видно, что писали второпях на коленке. Вальтер через стол протянул мне еще один листок.

– Я сделал копию, просто на всякий случай. Вы можете потом сравнить, если хотите.

Копия была отпечатана без попытки уловить смысл – просто строчки расставленных в кажущемся беспорядке слов и фраз:

«Бриони. Скажите Бриони. Скажите ей. Говард. Джеймс. Должен был сказать. Бумага, она в ручье Уильяма. В библиотеке. Эмерсон, ключи. Кошка, там кошка на полу. Карта. Письмо. В ручье».

Здесь запись прерывалась и дальше начиналась с новой строки:

«Скажите Бриони. Моя маленькая Бриони, будь осторожна. Опасность. Я чувствую это. Должен сказать тебе, но нужно быть уверенным. Я говорил ее (неразборчиво). Возможно, мальчик знает. Скажите мальчику. Траст. Положись. Поступить правильно. Благословение».

Я медленно прочитала это вслух, потом взглянула на Вальтера. Наверное, мое лицо выражало разочарование. Он кивнул, отвечая на невысказанный вопрос:

– Извините. Это действительно все, в точности как мы слышали. Видите, здесь он был не в силах говорить и остановился. Он оставался в сознании и беспокоился, поэтому мы дали ему высказаться. Насчет последнего слова я не уверен. Я думал, это могло означать «Благослови его», но полицейский не сомневался, что «Благословение». Говорит ли вам это хоть что-нибудь?

– Нет. Какие-то обрывки. Ничего такого, что бы стоило упоминать. Можно подумать... то есть, если он знал, насколько тяжело его состояние, можно подумать... знаете, просто какие-то поручения.

– Ну что ж, может быть, эти записи обретут смысл позже, когда у вас будет время подумать.

– Там что-то про письмо. Может быть, в нем все и написано. Он не оставил письма?

Я знала ответ заранее. Если бы для меня осталось письмо, Вальтер сразу же отдал бы его мне.

– Боюсь, что нет. И он ничего не отправлял отсюда в последние дни. Я проверял. Но возможно, вчера он взял письмо с собой, чтобы отправить из Бад-Тельца. В таком случае оно на пути к Мадейре. Без сомнения, оттуда его отошлют к вам домой.

В последних словах я уловила колебание. Наверное, было что-то странное в мысли, что от умершего придет письмо. Но мне так не казалось. Это был просвет в тучах того мрачного дня. Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что Вальтер мягко добавил:

– Это только предположение. Если он даже что-то послал, то, может быть, и не вам.

– Я выясню это, когда вернусь домой. Конечно, мне следовало ехать домой, в Англию, и все было уже приготовлено, чтобы я могла отвезти прах отца в наше поместье, как он хотел.

– И что потом? – спросил Вальтер. – Вы собираетесь остаться там?

– Придется, наверное, пока все не уладится.

– Это может занять много времени.

– Конечно. Тут будут чудовищные сложности, но я полагаю, мистер Эмерсон сделает все возможное. Наверное, папа говорил вам, что владения переходят не ко мне, а к ближай-

шему наследнику мужского пола? Это папин двоюродный брат, Говард Эшли, который живет в Испании.

Вальтер кивнул:

– Ваш стряпчий что-то такое говорил мне по телефону. Он сказал, что не смог прямо связаться с мистером Говардом Эшли. Тот, кажется, болен.

– Да. В последнем письме папа тоже сообщал мне об этом. Вирусная пневмония. Думаю, дядя Говард довольно плох. Полагаю, он еще долго не сможет заниматься делами. Во всем придется разбираться Джеймсу и Эмори.

– Я тоже так думал. Похоже, это одна из тех забот, что занимали вашего отца. Эмори – странное имя, не правда ли?

– Пожалуй. Это старое саксонское имя, оно время от времени появляется в нашей семье. Наверное, это то же, что Элмерик.

– А, тогда я уже слышал его в Германии. Они близнецы, не так ли, Джеймс и Эмори?

– Да, самые настоящие. Когда они были детьми, никто не мог их различить, кроме близких, а иногда, если братья нарочно старались, то и близкие путались. Теперь их различить легче, но и сейчас не поручишься, кто из них кто, если они постараются тебя одурачить. Им по двадцать семь. Эмори старше на полчаса или около того.

– Значительная разница, когда дело касается наследования поместья, – сухо заметил Вальтер.

– Старый, рушащийся дом, который так и не может оправиться от наводнения, что случилось десять лет назад, – так же сухо сказала я, – несколько акров заросшего парка да развалины фермы. Скромное наследство.

– Все в таком упадке? А Джон любил его.

– И я люблю.

– А ваши троюродные братья?

– Не знаю. Почему бы и нет? Они выросли там, как и я. У дяди Говарда был дом менее чем в миле оттуда. Но не знаю, захотят ли они повесить такой жернов себе на шею. Эти старые прекрасные жернова требуют денег.

– Насколько я понимаю, у ваших родственников средств в избытке.

– Думаю, да.

Но захотят ли они потратить их на Эшли – это другой вопрос. Однако я не стала говорить этого вслух. Я не слишком много смыслю в грузоперевозках, которыми дядя Говард занялся несколько лет назад – разве что дело всегда казалось прибыльным. В первые дни, когда фирма была еще довольно скромной, ее контора располагалась в Бристоле, и семейство жило неподалеку от нас – в Вустершире. Потом, когда близнецам шел тринадцатый год, а Френсису исполнилось одиннадцать, их мать умерла, и все трое, по сути дела, поселились в нашем поместье. Каникулы они целиком проводили у нас: их отец неделями пропадал в Бристоле, а его домашнее хозяйство было в таком беспорядке, что моя мать в конце концов вмешалась и взяла всех моих троюродных братьев к нам. У нас в те дни было просторно. Впрочем, у дяди Говарда тоже. Но хотя между ним и моими родителями никогда не было ничего похожего на неприязнь, в одном доме они ужитья не могли. Почти каждые выходные трое мальчишек отправлялись к отцу, пока, пять лет спустя после смерти их матери, дядя Говард не уехал в Мехико на переговоры о какой-то сделке. Там он встретил юную мексиканку и женился на ней. Она была из богатой семьи, ее родители вели торговлю вином. Дядя Говард вел переговоры с ее отцом, Мигелем Перейрой, который владел долей в весьма прибыльном деле в Хересе. Дядя увез молодую жену в Европу, и в конце концов они поселились в Испании. Эмори занял место в бристольской конторе, а Джеймс в основном перемещался между Бристолем и Испанией.

– Захочет ли дядя Говард возвратиться в Эшли? – спросил Вальтер.

– Понятия не имею. Честно сказать, я не так уж хорошо его знаю. Когда он уехал, мне было всего четырнадцать, и большую часть времени я проводила в школе. Жена намного моложе дяди Говарда и вряд ли захочет жить в таком захолустье, как Эшли. Но кто-то из его сыновей может захотеть.

– Сыновья... – проговорил Вальтер, словно обращаясь к самому себе, и я поняла, что он думает о той бумаге, которую я по-прежнему держу в руке. Но он не упомянул о ней. – Насколько мне известно, двое старших заняты в деле отца. А младший?

– Френсис? О, он тоже. У него нет их семейных способностей к бизнесу – он больше похож на нас. Но сейчас он вместе с отцом в Хересе. Думаю, он занялся бизнесом скорее по рассеянности, когда болтался без дела и старался понять, чего же в самом деле хочет. Надо же как-то зарабатывать на жизнь, а Испания – место не хуже любого другого. Френсис – поэт.

– О! – улыбнулся Вальтер. – И хороший?

– Откуда мне знать? Я мало читала стихов, кроме Йитса и Уолтера де Ла Мара. Не хотелось – если учесть, что сейчас печатают. Я ни слова не понимаю в писаниях Френсиса, но я люблю его, так что давайте считать его стихи хорошими.

Очки в золотой оправе сверкнули на солнце.

– Он ведь, кажется, не женат?

– Нет. – Я встретила его взгляд. – И близнецы тоже, доктор Готхард. По крайней мере, не были, когда я в последний раз их видела. Мы с моими троюродными братьями не очень часто общаемся.

(Не считая тебя, мой возлюбленный Эшли! Эмори? Джеймс? Френсис?) Я подняла брови.

– Вы слышали это от папы, да? У него тоже был такой план. Каким-нибудь образом оставить меня в Эшли... Но Френсис явно не годится для этой цели. Нужен самый старший, а это Эмори.

Вальтер улыбнулся:

– Признаюсь, мне пришлось в голову нечто подобное. Такое очевидное решение: вы остаетесь в Эшли и ваши дети тоже. Уверен, ваш отец питал смутную надежду, что так все и выйдет. Думаю, он видел ваше будущее там.

– А он не говорил ни с кем?

Я взглянула на лист бумаги в руке: «Я чувствую это. Возможно, мальчик знает». И потом: «Я говорил ее...» Кому? Ее возлюбленному? Меня крайне интересовало, знал ли отец или хотя бы догадывался о моей тайной любви, чтобы рассчитывать на мою пожизненную связь с Эшли-кортом – по праву майората или нет. Впрочем, я была почти уверена, что знал.

– Нет, – сказал Вальтер, – не говорил.

Мои мысли так стремительно унеслись от моего же собственного вопроса, что я не сразу поняла, о чем это он. Вальтер заметил это – он был очень сообразителен, герр доктор Готхард, – и кивнул на лист:

– Вы думали об этом. Поняли что-нибудь?

– Не совсем. Похоже, что где-то есть какая-то бумага – возможно, письмо, о котором он тоже говорил и где написано что-то важное для меня, а возможно, и для дяди Говарда.

– И Джеймса.

– Да, наверное. Но почему именно Джеймса? Я хочу сказать, если папа что-то сказал дяде Говарду, тогда тот мог рассказать об этом сыновьям. Похоже, это семейное дело. Так почему же только Джеймсу?

«Как поиски сокровищ, – подумала я, – таинственные бумаги, письма, карты. Это было не похоже на отца. Джон Эшли был трезвым и прямым человеком. Так что же он хотел сказать? И почему Джеймс?» Вслух я продолжила:

– Этот документ, или карта, или что бы это ни было – он сказал, что оно «в ручье Уильяма». Ну, это полная бессмыслица.

– Понятно. Ручей – ведь это поток, небольшая речка, так? На всякий случай я заглянул в словарь. Больше никаких значений нет. Я подумал, может быть, вы догадаетесь, что это значит.

– Понятия не имею. Вы говорили, что уверены в правильности записи слов?

– Этих слов – да. Сначала он говорил довольно ясно. Я подумал, в Эшли есть какой-нибудь ручей, что-нибудь с местным названием.

– Я не слышала о таком. Уильям Эшли в самом деле был, он жил в начале прошлого века. Его прозвали «Книжник Эшли», он был вроде шекспировского персонажа – такой загадочный самоучка. И еще поэт. Но единственный ручей в наших краях, кроме реки, – это водослив. – Я замолкла, пораженная внезапной мыслью. – Его мог прорыть Уильям. В Эшли есть лабиринт, и в середине Уильям построил павильон, где любил уединяться и писать. Ручей бежит мимо лабиринта.

– «Карта» – карта лабиринта? – предположил Вальтер.

– Возможно. Но не пойму, что тут может быть важного. Путь к павильону я знала всю жизнь, и братья тоже. – Я пожала плечами. – Как ни крути, полная бессмыслица. Как может бумага – карта или еще что – находиться в ручье?

– Согласен. Но следующий кусок более осмыслен. Эта бумага может быть в библиотеке, ключи от которой находятся у мистера Эмерсона. Это он хранит ключи от поместья?

– Думаю, у него должны быть ключи. Один комплект дали съемщикам – они живут в южном крыле, а остальная часть здания обычно заперта, кроме служебного помещения, а поскольку замок открывают для посетителей, то по правилам пожарной безопасности Андерхиллам нужно иметь ключи от запертых помещений.

Он коротко кивнул, и я не стала углубляться, заключив, что папа говорил ему о наших последних съемщиках. Андерхиллы были богатыми американцами и имели собственные дома в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, а время от времени снимали жилье тут и там по всему миру. Джеффри Андерхилл был президентом компании «Сакко интернешнл» – строительной фирмы, имевшей правительственные контракты во всех частях света. Их семейство жило в Лос-Анджелесе, пока дочь Кэти училась там в школе, но теперь они на год приехали в Англию, чтобы быть поближе к сестре миссис Андерхилл, чей муж служил на военно-морской базе США близ Бристоля. Что касается мистера Андерхилла, ему было все равно, где жить. Я заметила, что он только выходные проводил дома, а остальное время сновал между Парижем, Лондоном, Мехико и Тегераном, где совершались главные операции компании. Андерхилл говорил мистеру Эмерсону, что не видит ни малейшей разницы, где жить, поскольку приходится возвращаться «домой» в Хьюстон, в штате Техас, на заседания совета директоров, а его жене очень хотелось пожить в «настоящем старом английском доме», и Кэти тоже неплохо пожить здесь, чтобы почувствовать вкус к деревенской тишине и покою. Не берусь судить – я никогда не была в Лос-Анджелесе, – но вряд ли Эшли-корт может что-то дать восемнадцатилетней девушке, к услугам которой все деньги мира. Но американцы остались, им понравилось, и я полагала, что Кэти так и живет с ними.

– Кусок про кошку, – сказала я. – Вам не кажется, что машину могло занести, когда она объезжала кошку или что-то в этом роде? Машина ехала быстро, выскочила на обочину и сбила отца. Правда, он почему-то сказал «на полу».

– Возможно. Полиция так себе это и представляет. На самом деле это было на дороге у леса, и, бог его знает, Джон мог слишком вольно выразиться, говоря про «пол». Может быть, он имел в виду дорогу?

Вот здесь ему пришлось остановиться, чтобы немного передохнуть.

– Но вот последний кусок, доктор Готхард. Тут он выражается довольно ясно. Он говорит, что мне нужно быть осторожной и что существует какая-то опасность.

– Да, в самом деле. – В его глазах появилась озабоченность. – Когда он говорит «я чувствую», то как будто имеет в виду какую-то опасность. Вряд ли Джон чувствовал боль – он был под действием обезболивающего.

– Нет, он не имел в виду боль. – Я набрала в грудь воздуха и встретила взгляд светлых глаз поверх блестящих полумесяцев стекол. – Вы врач, и я не жду, что вы мне поверите, но некоторые из нас – из Эшли – обладают неким... Я могу назвать это свойство чем-то вроде телепатии. Может быть, эмпатия? Вам знакомо это слово?

– Разумеется. Мы говорим «mit fühlen». Способность мысленно проникать в чужие чувства и переживания.

– Да, но в нашем случае не только мысленно, но и на самом деле. Я знаю только, что это происходит между членами нашего семейства. Это что-то вроде приступов, но если кому-то, кого любишь, плохо, то ты это чувствуешь.

– Почему же не поверить вам? – спокойно ответил доктор Готхард. – Это довольно обыкновенно.

– Знаю, вы удивитесь – а может быть, и нет, – однако люди не верят или не хотят верить. Эшли в той или иной степени обладали этим даром еще в семнадцатом веке, когда якобинец Эшли женился на некой красотке по имени Бесс Смит, наполовину цыганке. В конце концов ее сожгли на костре как ведьму. После этого наш дар проявлялся часто, но мы о нем помалкивали. Во всяком случае, это не то, о чем всем надо рассказывать. Кому хочется выставить себя на посмешище?

– Вы действительно думаете, что ваш отец имел в виду именно это?

– Может быть. Иногда я задумывалась. Мы никогда об этом не говорили, но я почти уверена, что он в какой-то степени обладал этим даром. Однажды, когда я в школе упала с дерева и сломала ногу, через десять минут он позвонил узнать, все ли у меня в порядке. А прошлой ночью на Мадейре... Да, я что-то почувствовала, и думаю, это шло от него. И по пути сюда, утром, в самолете, в десять часов, я поняла, что произошло.

Доктор помолчал. Ранняя пчела, жужжа, залетела в открытое окно, покружила в солнечных лучах, потом опустилась на гиацинты и, сложив крылышки, стала ползать по ним. Герр Готхард пошевелился.

– Понятно. Но к концу, как видите, он утверждает, что «сказал» кому-то – предположительно, сказал об этой важной бумаге и о грозящей вам опасности. Если это в самом деле так важно, несомненно, этот кто-то передаст вам. А если «мальчик» знает, то, возможно, он сможет сказать вам?

Я смотрела на пчелу, не готовая встретить взгляд этих добрых, умных глаз. Про себя я повторяла слова: «Я говорил ее... Возможно, мальчик знает». «Ее – возлюбленному»? Это внесло бы некоторую ясность – значит, отец знал о нем. А если он сказал моему возлюбленному нечто важное для меня, тот передал бы мне, и тайна больше не была бы тайной.

Покинув гиацинт, пчела вылетела в окно, пролетела в волоске от стекла и исчезла. Вальтер выпрямился в просторном кресле.

– Думаю, нам лучше пока оставить эту тему. Ладно? Попытайтесь на время забыть об этом. Через несколько дней, когда вы отдохнете, на свежую голову все станет понятней. Очень может быть, что ответы на все вопросы уже известны мистеру Эмерсону или кому-нибудь из ваших родственников, которые прибудут в пятницу. Кто-нибудь из них, конечно, приедет, чтобы отвезти вас домой? Тот, кто все знает, это может быть «ее» троюродный брат.

– Может быть. Доктор Готхард, вы скажете мне правду?

– Если смогу.

Я поняла по его глазам, что для доктора это означает «если сочту возможным», но это было достаточно честно. И я спросила:

– Если бы водитель той машины сразу привез его сюда, папа остался бы жив?

Я увидела, что настороженность в глазах доктора Готхарда исчезла. Это означало, что он ответит правду.

– Нет. Если бы его сразу доставили сюда, он бы прожил чуть подольше, но я бы не смог его спасти.

– Он не дожил бы даже до моего приезда?

– Думаю, что дожил бы. Речь идет о нескольких часах.

Я вздохнула. Он с любопытством посмотрел на меня. Но я покачала головой:

– Нет, я не думала ни о чем таком драматическом и бессмысленном, как месть. Похоже, это рок, который я всегда чувствую. Но если бы вы сказали «да», я бы не смогла заснуть, пока полиция не найдет этого водителя. А так он уехал, потеряв голову от страха, и, возможно, уже достаточно наказан. Если полиция когда-нибудь найдет его... Я замолчала.

– Да? – спросил Вальтер.

– Я не хочу знать об этом, – прямо ответила я. – То есть я не хочу, чтобы мне сказали, кто это. Не буду обременять себя бесполезной злобой. Папа умер, а я осталась и должна жить. Таковы факты.

Вслух я не добавила, о чем подумала тогда – может быть, он не совсем умер для меня и таких, как я.

Я вернусь в Эшли, и там, возможно... Но я не была уверена, куда приведет этот путь, да и все равно – это была другая тайна, не для дневного света.

Доктор Готхард говорил еще что-то о сверхчувственном восприятии, о моем сходстве с отцом, а потом о приготовлениях к назначенной на пятницу кремации и следующем дне, когда мне уже ничего не останется, кроме как отвезти прах отца домой.

ЭШЛИ, 1835 ГОД

Снаружи в ветвях шумел ветер. Стебли жимолости били по стенам павильона. С тех пор как старик заболел, павильон все забыли. И хорошо, подумал он, скривив губы, отчего молодое лицо показалось мрачным и настороженным.

Он взгляделся в темноту. По-прежнему никакого движения, ни малейшего. Он распахнул окно и прислушался. Ничего, кроме журчания водослива в лабиринте, да шума ветра в буках. Вдруг порыв ветра наклонил тисовую ограду, словно позади нее пролетело что-то невидимое. Душа на пути домой, подумал он, и снова его охватила дрожь.

Хоть бы лучик света. Он захлопнул окно, и звуки ночи затихли. Он плотнее закрыл ставни и запер их, потом задвинул занавески.

На столе стояла свеча. Он нашел спички и зажег ее. Тут же свет озарил комнату, золотистые занавески, ковер с розовыми гирляндами, богатое покрывало на кровати, поблескивающие канделябры на стенах.

Если случится опять прийти сюда, нужно будет зажечь и их.

ГЛАВА 3

*Любезный кошачий царь, я хочу взять всего лишь одну из ваших
девятой жизни.*

У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт III, сцена I

Приехав в Англию, я не сразу отправилась домой. Первым делом я нанесла визит мистеру Эмерсону, нашему стряпчему, чтобы выяснить, не получал ли он от отца письма и не может ли пролить свет на те записи, что мне показывал доктор Готхард.

На кремацию никто не приехал. Эмори позвонил из Англии – не мне, а Вальтеру Готхарду – и сказал, что дядя Говард все еще тяжело болен, а поскольку Френсис уехал в отпуск, Джеймс не может покинуть контору в Хересе. Сам Эмори в пятницу не может освободиться, но как только сможет, тут же приедет в Эшли. Куда пропал Френсис, он не имеет представления – наверное, бродит где-то в горах. Вероятно, известие еще не дошло до него. Без сомнения, когда вернется, он сразу же позвонит. А пока привет Бриони...

Ну ладно, хватит про троюродного брата, который скажет мне, что хотел сообщить папа, и заберет домой. Хватит про возлюбленного, который не сказал ничего – ни днем, ни ночью!

По прибытии в Лондон я сразу села в поезд, доехала до Вустера и остановилась там в маленькой гостинице, где никто меня не знал. На следующее утро, предварительно позвонив, я пошла встретиться с мистером Эмерсоном.

Это был молодежавый мужчина, с виду лет сорока, среднего роста, немного располневший, с круглой дружелюбной физиономией и длинными по моде волосами. У него был маленький, плотно сжатый рот и маленькие пронизательные глазки за огромными модными дымчатыми очками, как у шпиона из телевизионного сериала. В остальном его костюм и манеры отличались строгостью и чопорностью. Однако я припомнила, как однажды видела его на рыбалке в заляпанных старых твидовых штанах и потрепанном свитере; его выражения были далеки от литературных, когда, скользя и спотыкаясь о камни, он старался одной рукой вытащить лосося. Он мне нравился, и папа, я знала, полностью ему доверял.

Прошла почти неделя со смерти отца, но Эмерсон не впал в ошибку излишних соболезнований. Когда мы закончили с формальными любезностями, он прокашлялся и, передвигая по столу какие-то бумаги, сказал:

– Что ж, мисс Эшли, вы знаете, что во всем можете рассчитывать на мою помощь... Привести в порядок дела вашего отца – сами понимаете, это займет некоторое время. Вас это не коснется, ведь вам прекрасно известно, каким образом и кому переходит дом и прочее имущество.

Я кивнула. По сути дела, я выросла с текстом положения об управлении собственностью, или «Траста Эшли». Его составил один из моих предков, некий Джеймс Кристиан Эшли, который унаследовал владения в 1850 году. Это был дальновидный человек: даже в вольготные викторианские дни он видел, что могут прийти времена, когда владельцы такого места, как Эшли, могут испытать трудности в сохранении того, что он, Джеймс Эшли, считал национальным достоянием, и даже сами попытаются распылить свои владения. Вот это-то Джеймс Кристиан и хотел предотвратить. Он составил положение о трасте, согласно которому, хотя само поместье должно переходить к ближайшему родственнику мужского пола, никакая часть «указанной усадьбы» не может быть продана или передана в другие руки, кроме как с письменного согласия всех взрослых потомков Эшли, существующих на момент предполагаемой передачи.

Мой дед Джеймс Эмори в стоворе со своими братьями и одним дальним родственником умудрился продать отдаленные фермы, граничащие с шоссе, и получить ничтожную сумму за несколько лугов – предмет вождения для Мидлэндской железной дороги, – и доходы поз-

воляли содержать поместье в приличном состоянии, пока заморозки в конце концов не перешли в убийственные морозы Второй мировой войны. С тех пор, если не считать фамильного серебра, тоже проданного с согласия родственников, все, что продавал мой отец, было куплено или получено в приданое после 1850 года и, следовательно, не входило в траст. Если бы моим троюродным братьям вдруг понадобились деньги, не знаю, где бы им пришлось наскребать их. Мистер Эмерсон продолжал:

– Никакой спешки нет. Мы можем снова встретиться, когда вы будете менее, э-э, стеснены.

Я знала, что Вальтер Готхард рассказал ему о моем бизнесе с поместьем. Эмерсон деликатно замаял это.

– Кроме того, существует завещание вашего отца. Он говорил мне, что вы видели копию и знаете, что там написано. Завещание охватывает все не входящее в майорат и не подпадающее под положение о трасте. Самой важной статьёй является коттедж, где вы сейчас живете. Он вместе с парком, яблоневым садом и полоской земли вдоль озера был приобретен после заключения траста и, следовательно, не подпадает под его действие. Все это остается за вами. Завещание имеет прямую силу. Может быть что-то такое, что вы захотите оспорить впоследствии, но в настоящий момент не пожелаете ли оставить надзор за всем мне? Установить, какие есть документы, разобрать корреспонденцию вашего отца? Или его письма вы просмотрите сами?

– Личные – да, хотелось бы просмотреть. Но я буду рада, если все дела вы возьмете на себя. Мистер Эмерсон...

– Да, мисс Эшли?

– Папа ничего не писал вам в последнее время? Я имею в виду в последние дни.

– Нет. – На мгновение он перевел взгляд на свои ногти, потом снова посмотрел на меня.

– Если быть точным, вчера я разговаривал по телефону с доктором Готхардом.

– О, и он тоже спрашивал о письме?

– Да.

– И рассказал о бумаге?

– О бумаге?

– О записях, которые он сделал со слов папы перед его смертью.

– Ах, да. Конечно, он не сказал мне, что говорил ваш отец. – И с внезапной сухой чопорностью мистер Эмерсон добавил: – Это был телефонный разговор.

– Я хотела спросить вас и об этом. Большую часть мы с герром Готхардом не смогли разобрать, но там есть одна фраза, относящаяся к вам, и мы думали, вы сможете ее прояснить. Я сделала для вас копию. Вот.

Эмерсон взял лист бумаги и пробежал по строчкам, потом быстро взглянул на меня, еще раз прочитал записи, помедленнее, и еще раз. Наконец он положил лист на стол и откинулся в кресле, положив руки на пресс-папье.

– Н-да. Понятно.

– Для вас это тоже бессмыслица?

– Боюсь, в большей степени да. Но упоминание обо мне, пожалуй, я смогу объяснить. У съемщиков поместья есть набор ключей, но не полный. Некоторые ключи были изъяты из связки, и я держу их у себя. У меня ключ от кладовой и от старого сундука для документов, что в Большом зале. Да, и от маленького стенного сейфа в спальне хозяина, а также ключи от зарешеченных полок в библиотеке.

– Эти ключи у вас?

Вот наконец фрагмент, который мог иметь какой-то смысл, хотя я по-прежнему не догадывалась, какой именно. На зарешеченных полках библиотеки Эшли была собранная Уильямом Эшли шекспириана и утешительно тоненький сборник его собственных стихов, а также явно любопытная (в том смысле, какой вкладывают в это слово книготорговцы) коллекция,

собранный сыном Уильяма, шалопаем Ником Эшли. Решетки там были установлены после того, как мой отец застал двенадцатилетних Эмори и Джеймса за изучением одного из томиков Ника под названием «*Erotica Curiosa*» – к счастью, на латыни, но с иллюстрациями. Через несколько дней это издание было вне досягаемости, вместе с остальными приобретениями Ника за решеткой также оказались собранные Уильямом Эшли издания Шекспира, которые представлялись ценными, и еще некоторые странные тома, большей частью на латыни. Я помню, как Эмори целый семестр зубрил латынь, пока не обнаружил, что до ключей все равно не добраться, и только тогда обрздумился.

– Стенной сейф пуст, мне это известно, – сказала я. – Вы знаете, что сейчас хранится в кладовой?

– Почти ничего. Остатки серебра восемнадцатого века да одна-две безделушки. Думаю, там есть кое-что, принадлежавшее вашей матери, что должно перейти к вам.

– Да, я знаю. И больше ничего? Никаких бумаг, писем, карт?

– Нет, ничего такого не припоминаю. Уверен, ничего нет. Все бумаги семьи Эшли хранятся у нас. То же самое и с сундуком для документов. В нем нет ничего, кроме запасных одеял, старых конюшенных книг и всякого хлама. Ах да, еще дюжина томов с дневниками Эммы Эшли. – Он сухо добавил: – Многословная леди. Это мать Джеймса Кристиана, верно?

– Да. Так ее дневники там? Обычно они находились в запертой части библиотеки, вместе с другими семейными книгами, но, видит бог, их не было нужды от кого-либо прятать. Думаю, она провела жизнь в стараниях искупить грехи бедного Ника. – Я на мгновение задумалась. Все остальные семейные книги были по-прежнему заперты в библиотеке и, согласно положению о трасте, должны наследоваться вместе с домом. Большинство ценных книг, не подпадавших под положение, уже распроданы. Возможно, просмотреть остатки будет не такой уж чудовищной работой. – Нужно ли мне разрешение дяди Говарда, чтобы просмотреть семейные книги?

– Нет.

– Тогда... – Я запнулась и выпрямилась в кресле. – Я кое-что вспомнила.

– Что именно?

Вернувшись мысленно назад, я тихо проговорила:

– Кажется, перед своим отъездом в Баварию папа собирался просмотреть книги в той секции. Помнится, я видела перевязанную ремнем стопку на одном из столов в библиотеке. Время от времени он перевязывал ценные книги ремнями, но тогда мне ничего не пришло в голову. Папа также приносил одну-две книги в коттедж. Возможно, он обнаружил там что-то о нашей семье или даже о трасте, в чем, ему казалось, нужно разобраться.

– Звучит вполне правдоподобно. И это можно проверить; правда, придется потрудиться. Просмотр книг отнимает чертовски много времени. Вряд ли вы справитесь с библиотекой в одиночку.

– Но ведь мне можно посмотреть? Полки сейчас не так уж заставлены, если не считать наших семейных книг, а они все еще там. – Я улыбнулась. – Коллекцию Ника Эшли я могла бы для приличия оставить на просмотр троюродным братьям. А если они не захотят себя утруждать, у меня есть друг, который поможет в этом деле, – Лесли Оукер, он держит букинистическую лавку в Эшбери. Ведь, наверное, в любом случае придется произвести оценку?

– Боюсь, что да. Я думаю, вы правы, что так серьезно к этому отнеслись. – Он положил лист на стол перед собой. – Что бы ни занимало вашего отца в такое время... – Он не договорил. Его глаза снова пробежали по строчкам, и, нахмурившись, мистер Эмерсон еще минуту читал. Потом быстрым движением, словно решил покончить с этим, выдвинул ящик стола и спрятал листок. – Вы сегодня уезжаете в Эшли?

– Да, во второй половине дня. Мистер Эмерсон, в каком состоянии сейчас поместье? Мне еще открыт доступ туда?

– Разумеется. Естественно, ничего нельзя уносить и продавать, но это по-прежнему ваш дом, пока завещание вашего отца не будет должным образом подтверждено и владения не перейдут в другие руки. – В его глазах мелькнул огонек. – Божий суд работает молниеносно по сравнению с нашими законами.

– Да, говорят. А как с «воротилами»?

– Простите, с чем?

– Извините, это сорвалось. Так папа называл Андерхиллов.

Он рассмеялся.

– Все предусмотрено. Они сняли помещение на год, срок истекает в ноябре. Мистер Андерхилл звонил мне и выразил готовность съехать прямо сейчас, если так вам будет угодно, но я сказал, что, наверное, вы и ваши родственники предпочли бы все оставить как есть, по крайней мере пока. Дела будут утрясаться несколько месяцев, а так хотя бы кто-то присмотрит за поместьем. Вы согласны?

– В таких делах я полагаюсь на вас. Для меня это вполне приемлемо.

– Ну и хорошо. Ваш брат Эмори тоже согласился. Он поговорил со своим отцом. Вы знаете, что мистер Говард Эшли болен? Да, конечно... – Он снова прокашлялся. – Видите ли, я понимаю, что вам не терпится вернуться в Эшли, но вы действительно хотите жить там одна? Моя жена и я были бы счастливы, если бы вы согласились провести несколько дней у нас... Она сама предложила мне попросить вас, так что будьте уверены, я за это не положу голову на нашу домашнюю плаху на кухне.

– Большое спасибо, мистер Эмерсон. Это страшно любезно с вашей стороны, но если честно, вам не стоит беспокоиться. Мне будет хорошо, правда.

Я не добавила, что не буду там одна. Я никогда не бываю одна.

Я еще раз поблагодарила его, тронутая добротой этих людей, хорошо знавших моего отца, но совершенно не знакомых со мной. Он отмахнулся от моей благодарности.

– И все же я оставляю вам мой телефон – не конторы, его вы знаете, а домашний. Думаю, ближайшие недели окажутся для вас нелегкими, и хочу заверить вас, что мы – моя фирма – будем, как и раньше, работать на Эшли – то есть в будущем на Говарда Эшли – и сделаем все, чтобы вам помочь. Я понимаю, это само собой разумеется, но все-таки следует сказать.

– Вы очень добры.

– Надеюсь, я ясно выразился: я имею в виду не только юридическую помощь. Кстати, как вы предполагаете сегодня добраться до Эшли? У вас есть машина?

– Нет, я приехала на поезде. До Эшли я доберусь автобусом. Он останавливается в тупике за церковью.

– А как вы вернетесь?

– Возьму мопед. Он в сарае на ферме.

– А багаж? Если вы собираетесь завтра снова занять коттедж...

– У меня немного вещей, большая часть осталась на Мадейре. Но Роб Гренджер позаботился об этом. У него есть машина.

Эмерсон кивнул. Мы поговорили еще недолго. Казалось, он не переставал беспокоиться из-за моего решения остаться одной в коттедже, и мне потребовалось время успокоить его. Он также очень деликатно забрасывал удочки насчет моих планов на будущее, когда Эшли-корт уже не будет моим. Собираюсь ли я вернуться на Мадейру, когда все, э-э, уляжется?

– Не думаю. Все равно там уже нашли мне замену. Нельзя неопределенно долго оставаться без человека, встречающего клиентов. Да я и так считала эту работу временной, только пока папа не поправится и не вернется домой. Вряд ли мое старое место в Эшбери все еще свободно, но думаю, что-нибудь найду.

– А как у вас с деньгами? Я могу дать вам некоторую сумму авансом из того, что отец оставил вам.

– Пока что у меня все в порядке, и тем не менее благодарю вас. – Я протянула руку. – И спасибо за все, мистер Эмерсон. Вы очень добры. Поверьте, как только мне понадобится помощь, я сразу же обращусь к вам.

– Надеюсь.

Мы пожали друг другу руки, и он двинулся было открыть мне дверь.

– Да, чуть не забыла... Ничего, если вы дадите мне ключи от поместья? Сегодня я не хочу туда идти, но могу зайти завтра, а пока не хочется беспокоить Андерхиллов.

Он удивился:

– Разумеется. Но ведь вы бы могли воспользоваться ключами отца. В хозяйском наборе полный комплект.

– У меня их нет. Я думала, они у вас. Вы хотите сказать, что у вас только те, о которых мы говорили?

– Да, только четыре. Думаю, они были сняты со связки мистера Андерхилла. Остальным – полным хозяйским набором – несомненно, распоряжался ваш отец. Разве доктор Готхард не вернул вам его вещи?

– Вернул. У папы были с собой ключи, но только от коттеджа и от боковой двери поместья, то есть от кухни, что у Восточного моста. – Я ощутила смутную тревогу. – Если у вас их нет, то кому же он мог их оставить? Одному из моих троюродных братьев?

– Непонятно зачем, – тихо проговорил мистер Эмерсон. – Очень странно.

Он опять задумался, нахмурившись, но вскоре профессиональная маска снова прикрыла его лицо. Он подошел к столу, отпер ящик, вынул маленькую связку ключей и протянул мне.

– Эти ключи, несомненно, должны быть у вас. Я свяжусь с вашим троюродным братом Эмори и выясню, не знает ли он чего-нибудь. Может оказаться, что оба комплекта остались у Андерхиллов или у кого-нибудь из Эшли. И тот, у кого они сейчас, вероятно, отдаст ключи вам, как только узнает, что вы вернулись. А если нет, то, боюсь, вам придется обратиться к Андерхиллам.

– Похоже, что так, – сказала я. – Но ничего, если я войду в дом?

– Разумеется.

– А если я получу ключи, можно оставить их на время у себя?

– Да, конечно. – Он открыл мне дверь. Карие глаза за сверхмодными очками были заботливы и добры. – Мисс Эшли, позвольте мне напомнить вам, что поместье по-прежнему в вашем распоряжении, пока завещание не вступило в силу и владения должным образом не перешли в другие руки.

– Да. Спасибо.

– Что касается ключей, то я не сомневаюсь, этому найдется самое простое объяснение, – проговорил он, жестом предлагая мне выйти.

У меня осталось впечатление, что он сказал это, убеждая не только меня, но и себя, и что в реальной жизни он не любит таинственности и не доверяет ей, как и я.

– Несомненно, – согласилась я и вышла на улицу. Совсем рядом с конторой «Мейер, Мейер и Гарди» находился пешеходный переход. Горел красный свет, и прямо под светофором на краю тротуара сидела черная кошка, очевидно ожидая, когда зажжется зеленый.

– Не достать? – посочувствовала я. – Давай помогу, – и нажала кнопку.

У меня есть теория, что кнопка никогда не оказывает на светофор ни малейшего влияния, его совершенно не касаются нужды пешеходов, но в тот же момент свет переключился на зеленый. Кошка встала и, подняв хвост, зашагала по «зебре». Кошка была черная, как уголь.

– Ты еще можешь мне пригодиться, – сказала я и пошла следом за ней через улицу.

Раздался скрип тормозов. Чуть не выпрыгнув из одежды от неожиданности, я отскочила назад на тротуар. Кошка метнулась на ту сторону и исчезла в двери какого-то магазина. Белый «ягуар» последней модели, оставив на асфальте след от широких покрышек, замер в футах от

перехода. Девушка за рулем не взглянула ни на меня, ни на убегающую кошку. Она нетерпеливо смотрела на красный свет светофора, одной рукой похлопывая по баранке, а другой приглаживая длинные темно-русые волосы. Я заметила темные глаза под длинными, чуть ли не в дюйм, накладными ресницами, бледное лицо с мелкими чертами, широкий ненакрашенный рот. В ней было что-то от мопса: это почему-то типично для американцев.

Когда вслед за кошкой я ступила на противоположный тротуар, светофор позади переключился, «ягуар», взревев, влился в поток машин и исчез, ловко вклинившись меж двух автобусов. Что-то заставило меня обернуться. На другой стороне из конторы появился мистер Эмерсон – в котелке, со сложенным зонтиком, вероятно торопясь на деловую встречу. Он тоже остановился, глядя вслед «ягуару», потом заметил меня и что-то крикнул через разделяющий нас поток ревуших машин. Мне показалось: «кошка», но указал он вслед исчезнувшему «ягуару». Я кивнула, помахала ему рукой, улыбнулась и пошла в гостиницу.

ЭШЛИ, 1835 ГОД

На столе рядом со свечой лежали отцовские книги и документы, прижатые стаканом в форме очищенного апельсина. Восковой свет подрагивал в изогнутых дольках, и дюжина крохотных отражений дразнила стройного молодого человека с рыжими волосами, в рубашке с оборками и облегающих панталонах, несколько нелепо и одиноко выглядевшего на фоне богатой и изысканной обстановки в комнате матери.

Он подошел к столу и резким движением разбросал лежащие там бумаги. Потом выдвинул ящик. Изнутри ему с портрета улыбалась мать. Всегда, бывая в павильоне, он прятал его – или прятался от него. Теперь он вынул портрет и долго стоял, глядя на него. Потом с улыбкой поставил на стол, лицом к комнате. Лицом к кровати.

Отцовские бумаги, эти сухие, витиевато написанные короткие стихи, незамеченные, лежали на полу.

ГЛАВА 4

Он, верно, спрятался в тени деревьев...

Любовь его слепа – ей мрак подходит.

У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт II, сцена 1

Широкие ворота Эшли-корта были, как всегда, открыты.

Я вошла, тихо ступая по замшелой дорожке под лимонными деревьями, и стала подниматься к повороту, откуда был виден дом.

Вечерело, и последние яркие косые лучи, пронзая тонкое кружево решетки ворот, отбрасывали длинные тени вдоль неподстриженных бордюров. Анемоны и бледно-голубые цветы вероники казались брызгами на траве, словно дымчатое стекло, слегка затуманив зелень. Полевые цветы выросли почти по колено, а сквозь пушистые, оттенка щавеля, почки бронзой светились ветки лимонных деревьев. Только что распустившиеся молодые листочки в лучах солнца казались прозрачными, как витражное стекло.

Я добралась до поворота. Отсюда виднелся дом, его стены из розового тюдоровского кирпича четко отражались в спокойном зеркале воды крепостного рва. Поблизости не было ни души, все замерло. Я стояла в тени и смотрела на дом Говарда Эшли.

Для своего древнего возраста замок выглядел слишком безмятежно. Странно, что постройки разных веков так гармонировали друг с другом. Они занимали на острове четыреста квадратных футов. Нормандская башня по-прежнему высилась над всем, измененная и достроенная, когда, уже в двадцатом веке, возводились главные ворота с укреплениями. Вместо первоначального подъемного моста теперь через ров перекинулся каменный пролет, достаточно широкий, чтобы мог проехать автомобиль. Пролет ведет в маленький квадратный двор. Большие тюдоровские двери напротив ворот открываются прямо в Большой зал с обширным камином и почерневшими балками. Помещения справа тоже в тюдоровском стиле – небольшой зал с католическим тайником (его снова открыли в 1880 году) и маленькая темная комната совета с кессонным потолком и геральдическими щитами на стенах. К востоку от главных ворот расположен пиршественный зал, построенный еще в четырнадцатом веке, со средневековой мебелью, по-прежнему невредимой. Не знаю, когда им пользовались в последний раз, обычно сюда только водят туристов.

В 1962 году зал был поврежден. Мы слишком сильно и слишком долго нуждались в деньгах и не могли поддерживать его в должном состоянии, а в середине сентября сильный шторм вывел реку из берегов и сломал верхний шлюз, который регулирует уровень воды во рве. Прежде чем открыли нижний шлюз, чтобы вода через водослив стекла в озеро, она затопила погреба, кухни и нижние помещения пиршественного зала. Мой отец отремонтировал верхний шлюз, сделал новые хорошие кухонные постройки, высушил пиршественный зал и оставил все так, как есть. «Единственная выгода этого сомнительного расположения поместья между рекой и озером в том, – заметил он, – что страховые взносы на случай пожара почти нулевые...»

«Озеро» – это слишком громкое название для зеркальца воды ниже укрепленных берегов рва. Не помню, когда был вырыт этот водоем. Сначала его использовали как рыбный садок, потом расширили, засадили водяными лилиями, а на берегу посадили пару ракит и безобразную рощицу гуннеры. Его по-прежнему звали «Пруд госпожи Нэнси», это звучало лучше, чем «Садок», ведь он был даже нанесен на карту. Между рвом и прудом располагалась поросшая травой лужайка, которую Роб, садовник, подстригал газонокосилкой. Он также держал в чистоте и опрятности буковую аллею и главную дорожку и поддерживал порядок в обнесенном стеной саду с двумя оставшимися теплицами. Большую часть урожая мы продавали, и этих

средств хватало, чтобы платить Робу и помогавшему ему мальчишке. Что еще можно было сделать? Парк с розами и разрушающимися статуями превратился в непроницаемое царство Спящей красавицы, а лес за прудом давно заглушил все фруктовые деревья, не считая нескольких яблонь у воды, где стоит коттедж – мой дом.

Наступили сумерки. Пока я стояла там, солнце незаметно село, свет стал синеватым, а потом на все вокруг упала тень. По-прежнему ничто не двигалось, не считая двух лебедей, безмятежно плававших во рву, да в ветвях зашевелился поднявшийся ветерок. В доме не видно было ни огонька. Я быстро прошла по дорожке еще ярдов пятьдесят. Направо меж аллей с рододендронами укромная тропинка вела в церковный двор.

Когда-то это была единственная дорога в церковь. Здесь лежал путь к кладбищу, а дальше начинался туннель из вековых тисов. Тисы отбрасывали толстое одеяло тени, и, когда я проходила мимо, день как будто вдруг закончился, и наступил вечер. Сверху доносились вечерние звуки – грачи усаживались в своих гнездах; их гомон время от времени прерывался хлопанием крыльев и гортанными воплями, когда какая-нибудь всполошенная птица взлетала со своего насеста. Призрачной тенью на фоне пушистых колышущихся силуэтов деревьев передо мной показалась церковь. Тисы, шевелясь на ветру, вздымались вверх, как дым.

Я не возражала против темноты. С тех пор как себя помню, я исходила каждый сантиметр этой тропинки. Кто-то недавно скосил траву вокруг могил, и в воздухе стоял сладковатый запах сена, некоторые из валков сохли на тропинке. Я не слышала своих шагов, пока не ступила на церковную паперть, и, переложив урну с прахом в левую руку, правой нащупала большое железное кольцо южной двери.

Дверь с готовностью отворилась. Казалось, Эшли было защищено от заразы постепенного загнивания остального мира; мы никогда не запирали двери, и, слава богу, у нас никогда не было в этом нужды. Внутри церкви тьма была почти крошечная. Когда я закрыла за собой дверь, меня встретили знакомые с детства запахи – пыльных подушек под колени, старого дерева, воска и скипидара, которыми пользовалась мисс Марджет, церковная уборщица, как раньше ее мать, а еще раньше мать ее матери. Запах оставшихся с Пасхи лилий – их время уже прошло. Запах книг с гимнами и потухших свечей.

Не тронув выключателя, я медленно прошла до середины бокового нефа, впереди слегка мерцало восточное окно. Я решила прийти с урной вечером, а не утром, как ожидал викарий, потому что сначала хотела устроить что-то вроде всенощной. Я оставлю урну на ночь в церкви, где все Эшли принимали крещение, вступали в брак, где их хоронили и где рядом с остальными будет стоять надгробный камень моего отца, а потом, утром – рано-рано, когда никого еще не будет, – я приду и высыплю его прах.

Так я решила для себя, и это казалось мне правильным.

Но теперь, когда я оказалась здесь одна, в этой темной церкви, невозможно было больше обманывать себя. Я пришла не просто на всенощную. Я пришла для чего-то своего. С какой-то странной, тревожной смесью ожидания, вины и надежды я хотела при помощи моей таинственной силы здесь, в этом месте, узнать, откуда приходили и куда возвращались все Эшли, попытаться «прочитать» то послание, которое воспаленный мозг Джонатана Эшли силился передать мне: «Скажите Бриони... Скажите ей. Моя маленькая Бриони, будь осторожна. Опасность».

На полпути к алтарю я остановилась. Существуют разные способы общения с душами умерших, и мне вдруг показалось, что темнота – это неправильно, в темноте есть привкус чего-то такого, о чем нельзя просить в церкви. И я решила зажечь освещение у алтаря. Испытывая чувство вины за то, что собиралась сделать, я поставила урну на ступени алтаря. Слабый отсвет из восточного окна позволял рассмотреть огромные кувшины с лилиями – призраки, несущие неуловимый запах. Я знала, что их принесли из поместья. Роб и викарий вдвоем каждый год выращивали их к Пасхе... И опять памятная с детства атмосфера обволокла меня, я повернулась и пошла прочь из алтаря в ризницу, где были выключатели.

Эта дверь тоже не была заперта. Я толкнула ее, нащупала на стене выключатель и нажала. Ничего. Я щелкнула снова. Ничего. Я попробовала остальные три на щите – ничего.

Все это заняло лишь несколько секунд. Мой ум был занят другим, и я заметила, но не зафиксировала в сознании, что в ризнице свежо, ее наполняют звуки деревьев и крики грачей, как и сам церковный двор, а бумаги на столе викария колышутся от ветерка. Как только я поняла это, два листа слетели на пол. Одновременно мои глаза уловили другое движение, и от этого кровь болезненным толчком прихлынула к сердцу. Дверь в ризницу оставалась открытой, и в темноте за ней двигалась какая-то другая темнота. Высокая фигура в длинных просторных одеждах. Потом дверь захлопнулась, щелкнул американский автоматический замок. Листы бумаги с шелестом упали на пол. Единственными звуками было потрескивание старого дерева в ночи да перезвон башенных часов, отбивающих три четверти. Только еле видные в темноте бумаги на полу подтверждали реальность увиденного. Открытая дверь, исчезающая фигура казались не более чем негативом какого-то сновидения, который отпечатывается, когда очнешься ото сна.

Я с трудом глотнула, стараясь успокоить гулко бьющееся сердце. Таинственная фигура в темной церкви?

Чепуха. Это годится для дешевого романа. Монахини, древние замки, тайные ходы – атрибуты мелодрам, высмеянных Джейн Остин в «Нортенгерском аббатстве». Мы же смеялись, когда психиатры исследовали видение Роба Гренджера в этой самой церкви. Мое привидение, конечно, было тем же самым – любая выходящая из ризницы фигура в длинных одеждах, естественно, напомнит викария. А неработающие выключатели? Несомненно, мистер Брайанстон решил, что на ночь лучше выключить общий рубильник. И вероятно, подумала я, если я доберусь до рубильника, он окажется поднятым, а мистер Брайанстон, увидев непогашенный свет, тут же вернется.

Я нажала на все выключатели – в ризнице, алтаре, на ступенях к органу. Когда я опустила рубильник, вся восточная часть церкви озарилась светом. Я постояла, прислушиваясь, но не услышала возвращавшихся шагов. Подняв с пола бумаги, я быстро осмотрела ризницу. Никаких признаков беспорядка. Я положила листы на стол рядом с аккуратно прижатыми чернильницей книгами, напоминавшими приходские, и заметила, что эти листки представляют собой приходские счета – несомненно, они остались здесь до ближайшего собрания совета. Я подождала еще немного, прислушиваясь, но не было слышно ни звука.

Выключив все огни, кроме освещения алтаря, я пошла в темный западный конец церковного нефа и села. Огни мягко озаряли голубой ковер и темно-коричневые лилии, золоченые головы ангелов, поддерживающих подбалочки. Медленно, как пыль, на церковь оседала тишина.

В жизни бывает такое, что остается и должно оставаться тайным. Но я должна рассказать, что произошло тогда между мной и неизвестным в темной церкви Всех Святых. Кажется, у меня было смутное чувство, что моя попытка открыть здесь свое сознание вызовет какое-то действие, но сами святые, видимо, считали иначе. То, что я испытывала раньше и чего ожидала теперь, так и не пришло. Ничего, кроме тишины.

Я встала на ноги и пошла к ризнице включить свет, но вдруг дверь отворилась, и в церковь вошла таинственная фигура в длинных одеждах.

Викарий. Как я и думала, викарий – прозаическая фигура в сутане и с блестящими очками на носу. Тем не менее я чуть не упала в обморок от страха, прежде чем осознала, кто это, и робко подошла к нему.

– Милое дитя мое! Это вы! Я еще утром понял, что вы приедете. А сейчас шел в свой кабинет и, увидев свет, решил заглянуть, кто здесь. Я испугал вас?

– Да, я даже вздрогнула. Извините, что я снова вытащила вас сюда, мистер Брайанстон. Надеюсь, вы не возражаете, что я явилась вечером? Утром я вернусь, как и говорила вам, но

я – я хотела оставить здесь урну на ночь. Я собиралась позвонить вам и предупредить, пока не уехала в Вустер. Вы не возражаете?

– Что вы, что вы! Приходите, когда вздумается, церковь никогда не заперта.

Он снял очки и стал рассеянно протирать их рукавом сутаны. Это был человек в преклонном возрасте, с зачесанными назад с высокого лба седыми вьющимися волосами, круглым лицом с гладкой по-детски кожей и длинной верхней губой. У него была привычка смотреть поверх сползавших на кончик носа очков. Его дальнозоркие серые глаза увеличивались толстыми стеклами очков в золоченой оправе. Сколько я себя помню, он всегда жил в Эшли. Брайанстон был вдовец, и поговаривали, что жизнь его стала гораздо спокойнее с тех пор, как его амбициозная и заботливая жена отошла в лучший мир. Миссис Брайанстон рассматривала Эшли не более как ступеньку в продвижении по службе, она видела себя в городе, а мужа – настоятелем собора, и туда с непреклонной силой движителя земли и светил она толкала своего кроткого спутника, который не ждал от жизни ничего лучшего, чем то, что уже нашел в Эшли и других своих приходах – Уан-Эше и Хангманс-Энде. Но пятнадцать лет назад он похоронил супругу в церковном дворе и теперь, несомненно, пребывал в неизменном покое, счастливо перемещаясь из церкви в сад и обратно, от воскресенья к воскресенью ласковым голосом читая проповеди по подозрительно пожелтевшим страницам и снабжая весь приход рассадой из садов поместья, которыми заведовал. Они с моим отцом хорошо ладили и редко спорили о чем-либо более духовном, чем шахматы. Правда, я слышала, как папа говорил, что вера мистера Брайанстона – из камня, на котором может быть основана любая церковь. Как бы то ни было, викарий вполне устраивал Эшли, как и Эшли устраивал его. Теперь в церкви он говорил со мной о смерти моего отца не так, как мистер Эмерсон – с неуверенной деликатностью, а утешал, так сказать, профессионально. Однако викарий не отрабатывал утешение как ежедневную норму, он как будто в самом деле чувствовал заботу не только о моем отце, но и обо мне самой.

Для меня – как и для моего отца – посещение церкви всегда было частью деревенской жизни, о чем даже не приходилось задумываться, как пункт в воскресном распорядке дня, как традиционное шерри перед ланчем (на котором неизменно присутствовал викарий); церковные праздники всегда служили поводом поболтать о календаре: Михайлов день был временем для дыма костров и для пурпурных цветов, временем доставать теплое белье, Пасха – это лилии и весенняя уборка, а Благовещение – самое время для срезания роз. Но теперь, придя сюда с горем, я увидела не обыденный ежегодный ритуал. Я слушала викария и чувствовала себя лучше, зная, что он действительно верит в воскресение из мертвых.

– Вы сказали, что собираетесь на ночь в Вустер? – под конец спросил мистер Брайанстон.

– Да, но утром я снова буду здесь. Я приеду рано, так что никому не помешаю.

– Конечно не помешаете, дитя мое. Приезжайте, когда захотите. Несомненно, все здесь к вашим услугам. – Он выудил из кармана плоские часы и посмотрел на них. – Боже мой, вы опоздали на автобус! Это я вас задержал... Следующий будет только через полтора часа. Может быть, вы согласитесь зайти ко мне? Не знаю, что миссис Гендерсон оставила мне на ужин, но что-нибудь перекусим.

– Это очень любезно с вашей стороны, но спасибо, не стоит. Я все равно не собиралась на автобус, у меня на ферме мопед, я поеду на нем. Он в сарае.

– А! Что ж, тогда счастливого пути. На дорогах с каждым днем все больше машин, а уже темно. Боже мой, ведь скоро лето! Если увидите Роба, не передадите ли ему, что завтра я буду в саду, а не в теплице? Я должен закончить опрыскивание, пока не поздно.

– Конечно. Ну, спасибо вам за все. Я выйду через южную дверь. Если хотите снова выключить рубильник, не ждите меня. Тут достаточно хорошо видно.

– Рубильник? – Он удивленно осмотрелся, словно в поисках рубильника. – Что вы имеете в виду? Зачем мне его выключать?

– Я думала, это вы его выключили, когда я пришла. Это не вы были в церкви, когда я зашла сюда?

– Нет, конечно. Меня здесь не было с трех часов. А когда выключили рубильник?

– Кажется, около часа назад. Я вошла через южную дверь и зашла в ризницу включить освещение алтаря. Рубильник был выключен, и кто-то только что вышел. Я не заметила, кто это, и подумала – вы.

Викарий казался озадаченным.

– Нет. Думаю, это мог быть один из сторожей, но зачем ему выключать главный рубильник? Очень странно. Вы совершенно уверены, что рубильник был выключен?

– Совершенно. И уверена, что, если в ризнице были не вы, этот человек не хотел, чтобы его увидели. У меня такое чувство, что он выключил свет, услышав, как я вхожу в дверь, чтобы уликнуть неузнанным. Я подумала, это вы, что было бы естественно, и к тому же, кажется, на нем было что-то длинное вроде сутаны. Вы завели себе помощника?

– Увы, нет. Думаю, это мог быть кто-то из певчих, забыл что-нибудь вчера после службы и вернулся забрать... Но зачем ему надевать сутану и выключать свет? Сторожи было бы совершенно все равно, увидят его или нет.

– Насчет сутаны я могла ошибиться. Мне просто так показалось, ведь было темно. Возможно, это был сторож. И он что-то нес – в этом я уверена.

– И что же?

– Трудно сказать. Может быть, коробку, а может быть, книгу. По размерам вроде тех книг на столе.

– Непонятно, зачем они сторожу. Это не приходские книги Эшли. Я принес их только вчера после вечерни из Уан-Эша. Я обещал одному канадцу разыскать записи о его предках, но пока что не было времени просмотреть... И опять же: главный рубильник. Совершенно не понимаю зачем... Боже мой, это смахивает на что-то поистине таинственное, а?

Он так встревожился, что я постаралась поскорее его успокоить:

– Думаю, не стоит придавать этому значение. Я легко могла ошибиться.

– Будем надеяться, моя милая, будем надеяться. И все же... – Он решительно повернулся к ризнице. – Я лучше проверю, все ли на месте. Церковный сейф... Он мог у кого-то вызвать искушение. Но конечно, никто в Эшли...

– Когда я зажгла свет, то все осмотрела, – сказала я, глядя сзади ему через плечо. – Все казалось нетронутым, кроме нескольких листов бумаги, один-два упали на пол. Но из двери тянуло сквозняком. Я положила их на место, но вам, возможно, покажется, что они в беспорядке.

– Это неважно, неважно. – Он подошел к столу и осмотрел его. – Все на месте. И приходские книги тоже... Их было одиннадцать или двенадцать? Еще несколько из Хангманс-Энда. Я должен был их просмотреть. Но там нет решительно ничего интересного ни для кого. А все остальное не тронут. Стенной шкаф... Да, все в порядке. А в этом ящике ничего, кроме карандашей и всего такого. А вот моя запасная сутана, висит у стены, так что та, которую вы видели... – В конце концов он неохотно взглянул на сейф. – Что ж, будем надеяться...

Но когда викарий остановился у большого грубого железного стенового шкафа, тревога в его глазах усилилась. Я увидела, как он пальцем ощупывает царапины у замка.

– Видите, эти как будто новые? Трудно сказать. Если ничего не случилось, то не приглядываешься и не замечаешь царапин, которые ключ оставляет каж дый день. Боюсь, нужно заглянуть внутрь. Он вытащил из кармана сутаны связку ключей.

– В сейфе у вас, наверное, блюдо для причастия?

– Да нет, там нет ничего такого, что захотелось бы украсть. Только наши собственные приходские книги. А само блюдо не представляет большой ценности; впрочем, ценность всегда понятие относительное. Когда цены резко подскочили, ваш отец убедил меня поместить старое

блюдо в более надежное место, хотя я сомневался, что кто-нибудь еще догадается, как дорого церковное серебро. Вы знаете, что чаша и дискос – елизаветинских времен, работы Джона Пикенинга, а блюдо для пожертвований еще более редкое? Я полагаю, тысяча пятьсот тридцать четвертого года, с клеймом мастера в виде корзины. Те, что мы используем теперь, хотя и красивые, но так... Ах! – воскликнул он, когда дверца открылась. – Слава Богу!

Он произнес это так, словно в самом деле славил Господа. Я заглянула ему через плечо. Явно никто ни к чему не прикасался. Вдоль задней стены сплошь стояли книги, и несколько томов в байковой обертке стояло в переднем ряду.

– В точности, как я их оставил, – сказал викарий, пересчитывая. – Да, да, все здесь и все в порядке. Он вообще не лазил в сейф или решил, что с замком ему не справиться. Я предпочитаю думать – я думаю, – что этот человек приходил по совершенно невинному поводу. Да, я почти уверен! Мы живем в печальное время, когда люди беспочвенно подозрительны. – Он закрыл сейф, запер его и встал на ноги. – Однако это урок мне. Я не мог заставить себя запираить церковь, но, возможно, начну – да, наверное, следует запираить ризницу. И я запру ее прямо сейчас. Вот. Вам лучше выйти там... Боже мой, уже в самом деле темно! Вы найдете дорогу до фермы?

– Да, спасибо. И не беспокойтесь больше. Я уверена, это окажется кто-нибудь из сторожей или кто-то столь же безобидный. Можно зайти к вам завтра утром? Если вы будете в яблоневом саду, я все равно вас увижу по пути в коттедж. Я въеду туда завтра. И передам Робу, что вы просили.

– Спасибо, моя дорогая. Да благословит вас Господь. Спокойной ночи.

ЭШЛИ, 1835 ГОД

Где-то далеко церковный колокол пробил три четверти. Молодой человек взглянул на позолоченные часы в виде кареты на столике у кровати. Они спешили на пять минут.

Он заметался по комнате, как испуганный конь. Он пнул ногой одну из отцовских книг, которые вместе с упавшими бумагами валялись на полу, нагнулся и начал машинально собирать разбросанные вещи. На лежащей сверху книге золотом сверкнуло название «Джувьетта». Он захлопнул ее и, выпрямившись, запихнул вместе с бумагами в ящик стола и задвинул его.

Конец... Старик умер. Его отец умер. Теперь он был Эшли, Николас Эшли, эсквайр, владелец поместья. Теперь, подумал он, со всем скоро будет покончено. Если все мы, каждый по-своему, найдем в себе мужество.

Но привычка заставила его поплотнее задернуть занавески на окнах, и без того закрытых ставнями, чтобы утаить малейший отблеск света свечи.

ГЛАВА 5

*О господи, всю ночь бы так стояла
Да слушала.*

У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт III, сцена 3

Постройки, бывшие когда-то добротной домашней фермой, находились примерно в полутораста ярдах от церковного двора. Кратчайший путь туда из церкви лежал через крытый выход из церковного двора и потом по краю садов в поместье. В кромешной тьме я шла по тисовой аллее. Я чувствовала пустоту в руках. Черные тисы издавали аромат невыносимой печали, деревья пахли ладаном и мирром, поминками и трауром. Я не могла думать об этом. Не могла.

И только тис зажег свои огни
по тем, кто одинок...

Вот как надо думать о них. Мне предлагается покой, и пока я не ощущала утраты. Это по-прежнему был мой дом, и здесь по-прежнему было то, что я искала.

Я тихо спустилась по мягкой тропинке к воротам. Тени дома протянулись ко мне, утешая, обволакивая.

И в тот же самый момент, в тех же самых тенях, так же подарил мне свое утешение мой возлюбленный. Он был здесь. Он был здесь, в прохладной ночи, реальнее и ближе, чем когда-либо с тех пор, как я покинула Эшли. Явственно возникли все оттенки ощущения, сильного, как запах просеянного сквозь тисы ветерка. В нем было приветствие, радость и какая-то тревога. Я остановилась, чтобы разобраться в этом ощущении, и, не веря себе, обнаружила, что это чувство вины – или стыда...

Я только что дошла до крытого прохода. Темнота здесь, под крышей, казалась осязаемой. Я остановилась, нащупывая засов. Вина или стыд? У него? Во мне он, наверное, ощутил почти такую же путаную смесь – удивление, вопрос, уверенность, проясняющую все, что бы это ни было: в конце концов, я была с ним, и часть этой уверенности...

Ощупывая темноту, моя рука коснулась какой-то плотной ткани. На мгновение сердце упало, и я подумала, что это он, что я коснулась его рукава. Потом через свободные складки я нащупала деревянные ворота. На воротах висела какая-то одежда. Мой мозг определил это раньше, чем пальцы ощутили рубчатую шелковистую поверхность тяжелой ткани: сутана. Сутана, которую я видела на нем и которую он бросил здесь, выбегая из церковного двора... Вина и стыд. В самом деле, он мог чувствовать что-нибудь такое, если недавно был в ризнице, пытаясь открыть замки, которых не должен был трогать, унося что-то такое, что скрывал от чужих глаз.

– *Что это? Это ты был в церкви?* – резко спросила я.

Но ответа не последовало. Образы померкли. Он удалялся.

В то же мгновение я услышала совсем рядом шаги, спешащие по кладбищенской траве прочь от меня. Наверное, он все время стоял, не двигаясь, за стеной тисов.

– *Любимый? Любимый!*

Он не слушал. Шаги ускорились. Я уловила легкий гул и дрожание проволоки, натянутой поперек пролома в стене между церковным двором и садами поместья. За проломом были заросли кустарника и дверь в старый, огороженный высокими стенами сад с оранжереями. И теперь за чернотой деревьев я увидела, как ночь постепенно начинает серебриться. Вставала луна. Через мгновение она поднимется над деревьями, и будет довольно светло.

Рядом со мной между тисами был просвет, я бросилась туда и побежала по траве через кладбище. Мертвых это не обидит: мы давно знаем друг друга. Я знала каждую могилу и имя на ней, как все книги на полке у нас в детской. Я добежала до пролома в стене как раз в тот момент, когда показалась луна и проволока заблестела в ее свете. Я положила руку на проволоку – металл еще гудел. Я пробралась через заросли кустарника – бузина и молодые ясени, одичавшая малина, силки из стелющегося по земле плюща, а где-то впереди пряная сладость любви нежного друга. Налетев на выросшую по колено крапиву, я выругалась про себя и нырнула вперед, на притоптанный мох, где была тропинка к огороженному саду. Ворота в стене были распахнуты, и на яблонях в глубине сада отсвечивала луна. Я остановилась у пологих скользких ступеней.

Через весь сад, с востока на запад, протянулись ряды яблонь, подпорки под их ветвями напоминали жесткие корявые руки. Луна, как галеон на попутном бризе, вынырнула из-за бука, осветив ряды цветущих деревьев, и их тени протянулись поперек прохода. Все было неподвижно, лишь ветерок шевелил ветви высоких деревьев за стеной, играя тенями на блестящих крышах теплиц.

Потом я увидела его – второй раз за эту ночь. Но по-прежнему это была не более чем высокая тень, тающая в других тенях. Он тоже остановился и стоял под прикрытием дальних ворот. За ним лежал парк с розами, а дальше лабиринт и яблоневый сад, где стоял мой коттедж, и луга за прудом, откуда дорога вела в деревню.

Я поколебалась. Он должен был знать, кто преследует его. Если он хотел встретить меня, то просто подождал бы. И вдруг я поняла – он ждал меня! Я слишком долго пробыла в церкви. Там, у ворот, он не мог ошибиться в моем отклике, и теперь, стоя, как и я, в лунном свете, наверное, увидел меня и понял, что я шла за ним.

Я была уверена, что он смотрит на меня. Послышался скрип открывающихся ворот в дальней стене, а потом все затихло. Я стояла, стараясь совладать с дыханием и открыть сознание, чтобы снова войти с ним в контакт. Но напрасно, я лишь ощутила путаную смесь радостного возбуждения, удивления и вины и снова задумалась, на этот раз без упрека, что же он делал в церкви. Так или иначе, но я была с ним, должна была быть. Я послала ему всю свою любовь, потребность в нем и ожидание. Ответ пришел яснее, чем шум ветра в ветвях:

– Нет еще. Верь мне. Еще рано.

Снова послышался скрип, и садовые ворота захлопнулись. Засов упал. Я осталась в саду одна.

Я поплелась назад и, дойдя до церковного двора, обычным путем направилась к ферме. Слева показались амбары и сараи, а справа на фоне лунного неба торчали трубы самой фермы. Она пустовала с тех пор, как были проданы прилегающие земли, не входящие в траст. Фермер, купивший землю, нашел ее неподходящей для возделывания; он также не удосужился отремонтировать дом, и в результате тот несколько лет пустовал. Его использовали под склад, а иногда в нем даже держали скот. Здесь устроили насест куры, а под крышей вили гнезда ласточки. Рядом, резко контрастируя с запустением, стояли два коттеджа, все еще принадлежавшие Эшли. Белые стены отражали лунный свет, в ярко освещенных окнах виднелись веселенькие занавески.

В ближайшем к ферме коттедже жили Гендерсоны. Мистер Гендерсон, которому было далеко за шестьдесят, работал церковным сторожем и могильщиком, обслуживая Эшли и Уан-Эш; его жена работала у викария и прислуживала в поместье, когда попросят. Она также убирала и шила для Роба Гренджера, жившего в другом коттедже. Когда я была девочкой, Гренджеры жили в большом доме на ферме, но через пару лет после смерти мистера Гренджера, когда ферму продали, Роб с матерью переехали в коттедж. Вскоре после этого умерла и миссис Гренджер, и теперь Роб жил один.

Когда я пересекла двор, дверь коттеджа открылась, и в освещенном проеме появилась фигура Роба.

– Это вы, мисс Бриони?

– А, Роб, привет! Рада снова тебя видеть. Да, это я. Как ты догадался? И что за официальность?

– Я догадался, что вы придете за мопедом. Я знал, что вы здесь. Видел, как выходили из церкви. Вы вышли после него, да? Я замерла.

– Ты был там? То есть ты видел его?

– Видел. Он вылетел из ризницы, как заяц, и шмыгнул за тисы. И чуть ли не час там стоял. – Ты что, следил за ним?

– Да, следил.

– И не спросил, что он там делает?

– Когда я увидел, кто это, мне не захотелось.

На несколько секунд повисла пауза. Когда она уже могла показаться странной, я спросила: – Ну, и кто же это был?

Он удивился:

– Значит, вы с ним не поговорили? Я был уверен, что он вас дожидается.

Вопреки моему желанию, что-то в моем голосе, вероятно, выдало меня, и Роб быстро проговорил:

– Вам нечего беспокоиться. Это был всего лишь ваш троюродный брат. То есть один из братьев. Я не мог точно определить кто – при таком свете, а вернее, без света. Но это точно был Эшли, тут я не ошибусь.

– Тогда зачем же ты следил за ним?

– Да сам не знаю. – Он вроде бы не обиделся на мой не совсем вежливый вопрос – Он так выбежал из ризницы... Сначала я его не узнал и осторожно, за кустами, подкрался к стене, откуда смог его рассмотреть. На минуту в церкви зажглись огни, и я увидел, что это кто-то из Эшли. Я догадался, что в церкви, наверное, вы. А потом верхний свет снова погас, но вы все не выходили.

– Да, – сказала я. – Мне... Мне хотелось темноты.

– Я так и подумал. И он, наверное, тоже. Он остался там дожидаться вас.

Я ничего не сказала. Разочарование было столь острым, что я боялась, как бы Роб его не заметил. Потупившись, я не знала, что сказать, и совсем забыла, зачем пришла.

– Не хотите зайти? – спросил Роб. – Что же стоять во дворе? Заходите.

Он отступил внутрь, дав мне пройти. Я вошла в кухню, где, очевидно, он собирался готовить ужин. На столе был один прибор, а рядом с плитой я заметила грудку сосисок, несколько помидоров и пакет бобов, оттаивавших в тепле.

– Боюсь, я не вовремя, – сказала я.

Обойдя меня, Роб бросил в огонь пару поленьев, потом ногой пододвинул стул.

– Вовсе нет. Ваш мопед у меня здесь, а не в сарае. Я принес его сюда. И найдется жестянка бензина. Залить и наладить – минутное дело. Но смотрите сами, почему бы не посидеть немного? Ужин почти готов, добро пожаловать. На обоих хватит. Всего лишь сосиски, но, если вас устроит, – милости прошу.

Я определенно прервала его стряпню, и он хотел поесть, прежде чем приготовить для меня мопед, поэтому я согласилась.

– Хорошо. Давай я займусь ужином, а ты наладь мопед, ладно?

– Прекрасно. Хотите к сосискам жареной картошки?

– Да, пожалуйста.

Миссис Гендерсон оставила у двери передник. Надев его, я занялась стряпней. Взяв гриль, я положила на него помидоры и сосиски, а Роб, достав из стола и с полки посуду, ловко

приготовил еще один прибор, нарезал хлеб и бросил на сковороду еще порцию картошки. Не было и речи о «фарфоре для мисс Бриони» – я всю жизнь была для Гренджеров своей. Рыба и чипсы прямо с газеты, желтые покупные кексы с зефирным кремом – в детстве у меня это называлось «полдник у миссис Гренджер». Я смотрела, как Роб кладет еще нож и вилку, греет вторую тарелку, а сама вновь ощущала темноту тисовой аллеи, утрату и разочарование, отступившие на какое-то время. Здесь, в ярком огне, в тиканье дешевого будильника и шипении картошки на сковороде, в запахе сосисок было еще одно приветствие, которым Эшли-корт встречал меня. Это был мой дом.

Роб поймал мой взгляд, но не подал виду, что понял, о чем я думаю. Это был высокий молодой человек, широкий в кости, с большими руками и ногами и обманчивой медлительностью сельского жителя. Он был очень смуглый, как цыган, с черными волосами и такими темными глазами, что трудно было выделить зрачок на радужной оболочке и еще труднее – угадать выражение этих глаз. Его речь текла неторопливо, но мягкий деревенский говор и привычка к паузам скрывали живой ум, достойный лучших условий для развития. Его мать – школьная учительница, нежная одинокая девушка, – купилась на внешность и кажущуюся простоту Мэтта Гренджера и вышла замуж за этого красивого, но неотесанного парня, который сначала не замечал ее, а потом очень грубо обращался с женой и ребенком. Я в детстве не понимала, почему маленький Робби, как его тогда звали, иногда пропускал школу, а порой приходил с синяками, словно после драки. Но когда Мэтт Гренджер как-то ночью по пьяной лавочке упал в водослив и утонул, Роб продолжил отцовскую работу по управлению фермой, не выказав никаких эмоций, кроме глубокого удовлетворения и облегчения. И миссис Гренджер казалась счастливее, как всегда тихая, хотя ни слова никому не говорила. Она умерла вскоре после того, как Робу, как он ни старался, все же пришлось признать крах фермы, которую его отец довел до полного упадка и запутал в долгах. Мой отец, продав землю, предложил Робу остаться, чтобы присматривать за поместьем и выполнять какие придется работы. И для всех оказалось сюрпризом, когда Роб, который по вполне понятным причинам никогда не был привязан к Эшли и где угодно мог найти место получше, принял предложение и остался.

Он подошел ко мне, глядя, как я поворачиваю сосиски над огнем.

– Уже можно взять?

– Да, почти готовы.

– Ваш отец... Мне очень жаль.

– Спасибо. Знаешь, я привезла его прах домой. Я затем и приехала. Чтобы отнести урну в церковь. Викарий говорил тебе?

– Нет.

– Утром я вернусь, чтобы... ну, чтобы высыпать его.

Роб снял с плиты кастрюльку с бобами и слил воду. Добавив маргарина, он, ничего не говоря, стал трясти бобы, чтобы они высохли.

– Роб...

– Ммм?

– Ты уверен, что не узнал его?

В конце концов, вернувшись тогда во двор, он мог почувствовать мое беспокойство. Роб не спросил, о чем это я. Не отрывая глаз от бобов, он задумчиво тряс кастрюлю.

– Если уж вы хотите, чтобы я ответил, я бы сказал, что это один из близнецов, но вы знаете: их днем-то трудно различить, не то что в такой темный вечер.

– А может быть, Френсис?

– Может быть. Но мне показалось, он был чуть-чуть повыше Френсиса.

– Но мог быть и Френсис? Он посмотрел на меня. – Думаю, да. А вы ожидали его?

– Нет. Но если не Френсис, это был Эмори, а...

Я запнулась. Я никогда не продолжала эту мысль, даже про себя, и уж определенно не могла выразить ее Робу. Эмори не мог быть тем тайным другом, с которым я с детства делилась мыслями. Это исключено. Если это один из двух оставшихся, то, конечно, Френсис... Френсис, который ближе мне по возрасту и к которому – насколько это возможно для такой неуловимой и замкнутой личности – я испытывала явную привязанность. Эмори, старший из троих, был, как говорится, совсем из другой оперы. Насчет его я никогда не питала иллюзий. Конечно, в детстве я обожала старшего брата, так легко добивавшегося власти над нами и великодушно позволявшего маленькой девочке присоединяться к банде братьев Эшли, где он был главарем. Теперь он вырос в трезвого, расчетливого мужчину, решительного, упрямого и самоуверенного. У Джеймса, его близнеца, тоже наблюдался налет подобной беспощадности, но он был не так агрессивен. А Френсис, по-своему тихо, подобрал лучшее из нашего семейства и упрямо жил своей собственной жизнью. Он был нелюдим, мой троюродный брат Френсис. Впрочем, наверное, такими и должны быть писатели и поэты. И конечно, если бы это оказался он, то каким-нибудь образом намекнул бы мне...

Френсис или Эмори... Но вопреки логике я обнаружила, что думаю о Джеймсе и о том, каким видела его в последний раз.

Истинный Эшли – высокий, белокурый (когда он стал старше, то, к своей радости, немного потемнел), с удлиненными серыми глазами, как на портретах, и прямым носом. Его руки и ноги были мелковаты, но хорошо вылеплены. Приятный голос. Привычка всегда делать то, что хочется, но в такой очаровательной манере, что не угадываешь за этим своекорыстия и кажется, что он делает тебе одолжение. Умный? Да. Проницательный? Да. Возможно, не слишком восприимчивый к чужим нуждам, но добрый и способный на великодушие. Насчет его отношений с женщинами я ничего не знала.

Благодаря своей матери я могла объективно оценить родственников отца. Мать моя была очень умной и язвительной женщиной, она написала пару романов, и, хотя они совершенно не раскупались, в них содержалось немало трезвых, но едких наблюдений об окружающих ее людях. Это мать научила меня время от времени смотреть на жизнь и даже на тех, кого любишь, со стороны.

И определенно на тех, кого могла бы полюбить. Это вернуло меня к моим догадкам, в коттедж.

Роб спросил:

– Почему?

– Что почему?

– Почему Эмори?

Наверное, у меня был совершенно тупой вид, и Роб терпеливо объяснил:

– Был в церковном дворе.

– А... Потому что Джеймс в Испании, а Эмори здесь. В среду, когда я еще находилась в Баварии, он звонил мне из Англии. Смотри, Роб, картошка готова, ты ее пережаришь.

– Да, конечно. – Он поднял сковородку над сушилкой для посуды. – Что ж, пусть будет Эмори. Довольно забавно, что он не захотел с вами встретиться.

– Возможно, Роб, ты видел, как он выбежал из ризницы. А как он туда вошел?

– Нет. Понимаете, я закрывал теплицы, а когда вернулся, услышал собачий лай. Я огляделся и увидел, что дверь в ризницу открыта. Это не мог быть викарий – на него собака не стала бы лаять. Потом я увидел, что кто-то там зажег фонарик, и решил подождать, посмотреть, кто же это. Я решил, что кто-то из деревенских мальчишек проказничает. Потом вижу: кто-то поднимается на крыльцо. – Он усмехнулся. – Скажу вам, мисс Бриони, от вас шуму не больше, чем от лисицы. Помните, когда в детстве я вас подстерегал? Никогда не слышал шагов, пока вы не входили в самую дверь.

– А потом?

– Я уже собирался войти вслед за вами, на всякий случай, но потом свет погас, и я увидел, как этот парень пулей вылетел из ризницы и метнулся через кладбище. Я уже было бросился за ним, но увидел, что это Эшли. И он не убежал далеко, а остановился у тисов и стал ждать. Я решил, что он дожидается вас. Там его не было видно, но, если бы он двинулся, я бы заметил. Я остался и смотрел – просто на всякий случай... Потом пришел викарий и пошел в ризницу, но парень не шевелился. Наверное, он вас видел?

– Думаю, да. А если не тогда, то должен был увидеть потом, в саду. Луна светила ярко.

Я говорила спокойно, но почувствовала, как Роб замялся. Потом он проговорил:

– Ну вот, а когда он бросился через проволоку, я пошел домой. Это не мое дело, и он, очевидно, ничего плохого против вас не замышлял. А как вы думаете, что он делал в ризнице? Забавно: так выскочил оттуда, хотя знал, что это всего лишь вы.

– Да, правда.

– И еще странно: на нем было длинное пальто или что-то в этом роде. Эмори носит плащ? Мне говорили, что в Лондоне это очень модно.

– Не думаю. – Я поколебалась. – На самом деле, Роб, он взял из церкви сутану. Наверное, кого-нибудь из певчих – запасная викария осталась на месте. Наверное, он схватил ее, когда услышал мои шаги. Не спрашивай меня зачем: понятия не имею! Он оставил ее на воротах.

– Очень странно.

– Еще бы! Ты не видел, что он нес?

– Нет, – ответил он. – Смотрите, сосиски готовы.

– Да. Ты съешь четыре? Спасибо, не надо так много картошки. Да, пока не забыла: викарий велел передать, что завтра в теплицах его не будет, он собирается в старый фруктовый сад. Что вы там делаете?

– Опрыскиваем деревья, прибираем немножко. Это надо было сделать зимой, да как-то не было времени. Миссис Андерхилл столько хотела сделать в доме. Но теперь, когда вы возвращаетесь... Вы поселитесь в коттедже?

– Думаю, да. Хотя бы ненадолго.

– Въедете завтра?

– Да. Пожалуй, я разыщу миссис Гендерсон и попрошу все там проветрить.

– Не стоит беспокоиться, все уже сделано. – Он улыбнулся мне. – Мы думали, вы скоро вернетесь, а когда викарий сказал, что вы приезжаете завтра, открыли коттедж. Так что можете заселяться в любой момент.

Я вдруг ощутила, что на глаза навернулись слезы. Роб не мог их видеть, я стояла к нему спиной. Он сказал:

– Вы положили мне слишком много сосисок. Давайте поделимся. Чайник кипит, вам чаю или кофе?

– Кофе, пожалуйста. Мне хватит двух сосисок, правда. Они от Рупера? У него всегда лучшие.

– Да. – Он зачерпнул из банки «Нескафе» и положил в чашки. – А помните сосиски, что мы ели по субботам в ларьке у Гуда?

– Еще бы! Ну, начнем.

За ужином он наконец снова перешел на ты, и мы непринужденно болтали – он о поместье и об Андерхиллах, я о Мадейре и Баварии, а потом, не в силах удержаться, о несчастном случае и загадочном послании отца.

– Роб, название «Ручей Уильяма» тебе что-нибудь говорит?

– Что Уильяма?

– Кажется, папа сказал «Ручей Уильяма».

Он покачал головой:

– Насколько помню, ничего такого не слышал.

– Может быть, это водослив?

– Никогда не слышал, чтобы его называли как-нибудь иначе. А ты?

– Тоже. Я просто так спросила – думала, что же папа имел в виду, говоря: «Возможно, мальчик знает». – Я тихо вздохнула и отодвинула тарелку. – Было очень вкусно. Большое спасибо, Роб.

– На здоровье. – Он встал и начал убирать посуду. – Я пойду налажу мопед?

– Если хочешь. А я пока помою посуду.

– Хорошо. – Немного спустя он, как бы между прочим, добавил: – Ты уже поместила урну с прахом отца? В стену?

Наверное, он еще что-то говорил, пока я мыла посуду. Меня это почему-то утешало. Семейная болтовня, как с братьями, и без напряжения, которое раньше по понятным причинам одолевало меня.

– Нет, он не хотел этого. Он говорил – слишком напоминает тюрьму.

Стена была местом захоронения Эшли, где за железной решеткой хоронили всех членов семьи, начиная с Джеймса Эшли, умершего в 1647 году.

– Папа говорил, что ему хватило, когда он был в плену. Ему хотелось чистого воздуха. Поэтому я вернусь утром, когда там никого не будет.

– Кроме меня, но я не помешаю. Если, когда освободишься, захочешь позавтракать, я начну готовить около семи часов. Можешь зайти в коттедж. Я перенесу твои вещи. Это удобно?

– Вполне.

Насвистывая, он ушел, а я стала складывать посуду.

ЭШЛИ, 1835

Она не часто так опаздывала.

Трезвая часть рассудка убеждала, что она просто задерживается. Раньше бывали ночи, когда она вообще не приходила, а он до утра ждал в волнении и метаниях, терзаясь ожиданием и проклиная ее, пока на следующую ночь, невзирая на опасности со стороны семьи и всевидящей деревни, она не приходила снова.

Он отогнал мысли о ней, спешащей к нему через темноту и ветер, завернувшись в старый плащ, сжав в руке ключ от лабиринта. «Ключ от небес», – говорила она, и он не смеялся над ней из-за этих слов, как мог бы, Боже мой, еще месяц назад! Ему пришлось закусить губу, чтобы не сказать: «Ключ от моего сердца».

Так было, когда он окончательно понял: она – единственная. Только она одна.

ГЛАВА 6

Слезамы множит утра он росу...
У. Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт I, сцена 1

Пять часов утра. В Англии май. Время, которое принято воспевать. И оно стоит того, думала я, мчась по проселочной дороге на своем жужжащем мопеде, а раннее солнце сверкало на мокрой луговой траве, она топорщилась от росы, густой, как иней.

Бог знает, когда я в последний раз так рано вставала; я успела забыть и этот свет, и сладость воздуха, и запах свежeweымытого мира, и блеяние пухлых ягнят, и заливающихся в боярышнике дроздов. Забыла и сам боярышник, пенящийся майским цветением вдоль дороги вместе с первоцветом и горицветом, что отзывались яркими красками, словно эхо боярышника. И теперь я забыла все свои заботы. Но он был здесь, рядом со мной.

– *Привет*, – сказала я весело, без тревоги. – *Сегодня я увижу тебя?*

– *Не удивлюсь, если да*, – откликнулся он, и «дверь» между нами медленно закрылась, словно солнце скрылось за тучей.

В поместье не ощущалось никаких признаков жизни. Окна плотно занавешены. Во рву плавали лебеди с шестью серыми лебедятами, голубая цапля деловито ловила плотву. Воздух был чист и неподвижен.

Я провела час в огромных заброшенных садах. Лебеди плавали по воде, цапля ловила рыбу. Во фруктовом саду, наострив уши столбиками, сидели кролики, следя за мной, и утренний свет очерчивал их шерстку. Прекрасный старый дом парил над своим отражением, красно-розовый кирпич и сверкающие окна отражались на водной глади, чуть колеблясь от движения проплывающих лебедей. Не мой, подумала я, больше не мой. Все это сдуло, развеяло сладким утренним ветерком вместе с прахом Джона Эшли. *Nic manet*⁴. Он лежит здесь, куда всегда стремился.

А где буду лежать я? Принесет ли кто-нибудь мой прах, чтобы и я стала, хотя бы символически, частью этого сада, этого сверкающего воздуха? И кто принесет?

Ничего не говоря, я ходила так целый час, и никто не пришел ко мне.

На завтрак был бекон и яйца и свежеепеченный хлеб, приготовленный миссис Гендерсон. В кухню коттеджа лился солнечный свет. Очаг прошлой ночью прочистили, в нем лежали дрова, и вся кухня сияла, как корабельный камбуз.

– Ты хорошо справляешься, – сказала я Робу Гренджеру. – Ей повезло. Кстати, я ее знаю?

– Сомневаюсь. Она вроде как дальняя родственница, всегда жила неподалеку от нашей деревни, но ее родня теперь уехала. Девушка скоро вернется, и мы обсудим наши планы.

– Ну что ж, передай ей от меня, что ей повезло.

Роб ухмыльнулся.

– О, она и сама знает. – Он отрезал от буханки два куска. – Меду?

– Спасибо.

И повезло не только со стряпней, подумала я, намазывая мед на восхитительный хрустящий хлеб. В Робе было что-то крепкое, надежное, какая-то внутренняя сила; чувствовалось, что ежедневные заботы не удручают его, как в дождь не промокает дерево. Роб не любил торопиться. Он казался (и не только казался, как я помнила с детских игр) упрямым, как мул, упорным, как тянущая плуг лошадь, не знающая иной работы. Его непринужденность в общении со мной шла от давнего знакомства, но также от уверенности – неотъемлемой части его натуры. Не той самоуверенности, что была в крови моих элегантных братьев Эшли, а той, которая

⁴ Здесь пребывает (лат.).

высекается из характера тяжелой жизнью, как плавные линии скульптуры из твердого камня. Да, ей повезло, и ради моих братьев хотелось надеяться, что она останется в Эшли и не станет убеждать Роба уехать.

Я сказала что-то в этом роде, но Роб, набив рот хлебом с медом, ничего не ответил, а потом, прожевав, сказал:

– Странно здесь будет с мистером Говардом. Не представляю себе. Ты-то сама останешься?

– Не знаю. Может быть, первое время. Я пока еще не решила.

– Мм. Пожалуй, спешить некуда. Такие вещи быстро не делаются, а мы так связаны с поместьем, что это растянется на годы.

– Это может служить утешением.

– Меня это утешает, – сказал Роб. – Пусть все привыкнут к этой мысли. Без мистера Эшли все будет не так... и без тебя.

Он проговорил это так просто, что я восприняла его слова как факт, а не как комплимент.

– Меня это тоже утешает. Я не могу с этим свыкнуться. Пока не укладывается в голове.

– Что ж, – сказал Роб, – и не пытайся. Время терпит. А может быть, мистер Говард вообще не захочет сюда переезжать. – Он улыбнулся. – Знаешь, вся деревня безумно хочет взглянуть на его жену. Не знаю, что они думают об этой мексиканке, но я слышал, как миссис Марджет рассуждает о тотемных столбах, а миссис Гендерсон говорила мне, что миссис Грей – знаешь, глава Союза матерей – на прошлой неделе произнесла речь о расовых отношениях и притеснениях цветных. Полагаю, она очень эрудированная.

Я рассмеялась:

– На самом деле жена мистера Говарда настоящая испанка и, судя по фотографиям, изрядная красотка. Но надо признаться, я не представляю ее – да и его тоже – живущими здесь.

– Значит, поместье перейдет к братьям Эшли? То есть к Эмори. Забавно, не правда ли? – задумчиво проговорил Роб. – Джеймс лишается всего из-за каких-то двадцати – тридцати минут. Странно быть близнецами, а?

– Еще как, надо думать. Но не знаю, считает ли Джеймс это потерей. Здесь нет денег, Роб. Место прелестное, но скоро настанет время, когда уже невозможно будет его содержать.

– И я так прикидываю. Но вам разве не приходили в голову мысли про Национальный фонд памятников или что-то в этом роде? Он мог бы поддержать. Я хочу сказать, от такого места историки и прочие просто с ума сойдут...

– Национальный фонд не берет на свое попечение собственность, если она ему не завещана, а как мы это устроим? Я знаю, папа всеми силами пытался. Думаю, в перспективе даже Департамент окружающей среды вступится за дом, но сомневаюсь, что они позаботятся о парках и землях. С ними придется расстаться, исторические они или нет.

– Что ж, – сказал Роб, – может быть, ты только прикидываешься, но похоже, пока ты только рада, что не у тебя будет болеть об этом голова.

– Конечно, ты прав. Начинать все это придется мистеру Эмерсону. Бедняга! Ему придется разбираться во всех этих юридических хитросплетениях – он называет это рукой мертвеца. – Рукой мертвеца?

Роб был слегка шокирован, и я сначала удивилась, но потом поняла: он, по-видимому, подумал, что стряпчий имел в виду моего отца.

– Да нет, я просто хотела сказать, что положение... Ты, наверное, знаешь историю с наследованием? Мистер Эмерсон имел в виду, что мой дальний предок, который создал положение о трасте, протянул руку из могилы, чтобы сделать нам всем гадость.

– О да, я знаю. Твой отец как-то говорил мне. Прежде чем что-либо продавать, вы все должны дать свое согласие, да? – Он немного помолчал, размышляя. – Да, могло бы быть ужасно, но, по-моему, он неплохо придумал. И по тому, как все повернулось, он, пожалуй,

улучшил твоё положение. Я хочу сказать: даже при всем желании они не смогут продать коттедж через твою голову.

– Они все равно не смогли бы, – сказала я. – Вся та малость, которую называют «участок, принадлежащий коттеджу», – старый фруктовый сад и полоска земли к югу от пруда до дороги в Уан-Эш, – не входит в траст. Это все, что папа мне оставил, но это все мое.

Роб глубоко задумался.

– А если бы они захотели ликвидировать траст и все распродать, ты бы согласилась?

– Трудно сказать. Может быть, нам придется продать землю, чтобы сохранить дом. Я знаю, что у папы это было на уме. Но я не совсем представляю, что бы это означало, например, для тебя и для Гендерсонов. Мы в своих разговорах не заходили так далеко. – Я взглянула на него. – А если траст будет ликвидирован, что будет с тобой? Ты сможешь купить себе этот коттедж?

– Не думаю. Впрочем, может быть, я и не захочу здесь остаться. Но тебе нет нужды об этом беспокоиться. У тебя своих забот хватает. – Он выпрямился на стуле. – Да и не стоит в такое утро обсуждать будущее. Извини, мне не следовало спрашивать о твоих планах. Но знаешь, когда это – твой отец и прочее – отойдет немного на задний план, когда ты выяснишь, что он хотел от тебя, все утрясется само собой. Я не пропаду, поверь. Нужно только время.

Я кивнула и допила чай, успокоенная его здравым смыслом. Время. В деревне на все нужно время. Пусть все идет своим чередом, и урожай вырастет, и его уберут – все в свое время. А теперь, кажется, время оставить землю под пар.

– Что ж, дадим возможность всему утрястись. Я определенно не в том состоянии, чтобы принимать решения. Сначала пусть прояснятся все юридические проблемы, а со временем Божьи мельницы перетрут в пыль все факты, которые я установлю, и, может быть, все решится без моего участия. Но кое-что можно сделать прямо сейчас. Я могу просмотреть бумаги, о которых говорил отец, и попытаться выяснить, что он имел в виду, если он вообще чего-то от меня хотел. А для этого мне нужно попасть в дом. У меня есть ключ только от восточной двери, но, наверное, все помещения заперты снаружи? Пока не хочется объявляться Андерхиллам. Ты случайно не знаешь, у кого могут быть ключи от главного здания?

– Знаю, – ответил Роб. – Они у меня.

Так просто.

– У тебя?

Он кивнул:

– Твой отец дал мне их перед отъездом в Германию. Разве ты не знала? У мистера Андерхилла другая связка – от всех помещений для публики и от своих. Ему нужны ключи на случай пожара и для «пенсовиков» – так мы между собой называем туристов, которые платят по двадцать пять пенсов, – но твой отец сказал, что некоторые ключи из этой связки отдал мистеру Эмерсону. А остальные дал мне.

– Слава богу! – с облегчением сказала я. – Вот и конец одной тайны. Ты не представляешь, какие картины мы с мистером Эмерсоном себе рисовали! Похоже, он заподозрил, что ключи у папы украли, когда его сбила машина. Разумеется, мне разрешено ими пользоваться, пока не решатся все юридические проблемы.

– Лучше возьми их прямо сейчас. – Пока я говорила, Роб открыл ящик кухонного стола и вытащил оттуда связку знакомых мне ключей. – Вот. Знаешь, какой от чего? Они расположены по порядку, начиная отсюда. Этот от главной двери, этот от кабинета священника, этот от комнаты совета... – Он передвигал ключи по массивному кольцу, как бусины четок. – Все по порядку. Тебя особенно интересует какая-то определенная комната? – Да, библиотека.

Он выбрал ключ.

– Вот этот. Нет, оставь, миссис Гендерсон уберет. Хочешь, я пойду с тобой?

– Нет, пожалуй, не надо, спасибо. Я подумала, Роб: там, наверное, сегодня «пенсовики»? Если я пойду сама по себе, с ключами, кто-нибудь наверняка меня увидит, начнет задавать вопросы и все такое. Лучше я оставлю ключи здесь и просто пройду, все осмотрю, а потом представлюсь Андерхиллам и спрошу, нельзя ли мне приходить и уходить, когда захочу. Сколько сейчас времени?

– Половина одиннадцатого. – Он бросил ключи в стол и задвинул ящик без всяких вопросов и комментариев. – Тогда подожди здесь, если хочешь. Или сходишь к коттеджу? – Да, так и сделаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.